Комбриг из будущего. Остановить Панцерваффе!

Автор:
Олег Таругин

Комбриг из будущего. Остановить Панцерваффе!

Олег Витальевич Таругин

Военно-историческая фантастикаКомбат #2

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Комбат».

Офицер из будущего на Великой Отечественной войне.

Заброшенный в август 1941 года, на должность командира танковой бригады, «попаданец» должен нанести контрудар под Смоленском и любой ценой удержать стратегический мост через Днепр.

Комбриг из будущего против Гудериана и Гота! Т-34 и КВ против немецких панцеров и «штук». Сталинские танкисты стоят насмерть, исполняя приказ: «За Днепром для нас земли нет!»

Олег Таругин

Комбриг из будущего. Остановить Панцерваффе!

© Таругин О. В., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Несмотря на то что действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших Героев постарается не описывать конкретные войсковые операции и будет по возможности избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей.

Описанные в книге события во многом выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Имена большинства командиров РККА изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru).

Спасибо большое, друзья!

Пролог

Москва, Кремль, июль 1941 года

– А вот скажите, таварищ маршал, что ви думаете про боевые действия капитана Минаева, о котором докладывал генерал-лейтэнант Карбышев? Он его очэнь хвалил.

Неожиданный вопрос поставил командующего Западным фронтом в тупик. Нет, Тимошенко прекрасно знал, что, выслушивая доклады подчиненных, Вождь не оставляет без внимания ни одной мелочи. Но обычно это касалось куда более значимых фигур, чем какой-то там командир батальона. С другой стороны, отчего же «какой-то там»? Если верить Карбышеву, именно его информация и

решительные действия помогли предотвратить катастрофу наших войск под Белостоком.

– Ну, смэлее, таварищ маршал! Неужэли вам нечего сказать?

Прокашлявшись, Семен Константинович ответил:

– Товарищ Сталин, действия комбата Минаева считаю высокопрофессиональными и правильными.

– Но вэдь он нарушил приказ? – ухмыльнувшись, Иосиф Виссарионович сделал затяжку, на несколько секунд окутавшись густым облаком табачного дыма. – Поддался на правакацию, так получается?

Ну, и что отвечать? Все так и обстоит – этот странный комбат и на самом деле нарушил все мыслимые и немыслимые довоенные приказы, в итоге оказавшись победителем. Значит, придется говорить, как думает – любую, даже самую малую ложь Вождь почувствует мгновенно.

– Товарищ Сталин, разумеется, нарушение приказа есть преступление. Но именно благодаря своим решительным действиям капитан Минаев не только спас батальон, но и оказал противнику серьезный отпор. И существенно помог в сложившейся на этом участке фронта ситуации, так что товарищ Карбышев прав. В конечном итоге на Минском направлении противник понес значительные потери в живой силе и технике и существенно снизил темп наступления. Считаю его поступок оправданным в данной конкретной ситуации.

– Палучается, иногда полезно поддаваться на правакации? – хмыкнул собеседник. – На этот вопрос можете нэ отвечать. Скажите, а как ви думаете, откуда у него настолко точная информация о начале нэмецкого нападэния? По радиосвязи он называл даже точное время артиллэрийского обстрэла.

– Мне кажется, со временем он просто угадал. Прошедший две войны опытный командир не мог не понимать, что рассвет – идеальное время для неожиданного удара. Что же до даты… Во-первых, как вы, товарищ Сталин, прекрасно знаете, в последние недели пограничники часто задерживали перебежчиков с польской стороны. Двадцать второе июня они также называли, и не один раз. Ну а во-вторых, он мог предположить, что для нападения немецкое командование

выберет именно самый длинный день в году. В подобном случае я поступил бы так же.

– Харашо, я вас понял. А пачиму другие комбаты так же не паступили, как считаете? Ни один.

– Не могу знать, товарищ Сталин.

– Вот и я нэ знаю… – задумчиво протянул Иосиф Виссарионович, аккуратно кладя трубку на край массивной пепельницы. – Хотя очэнь бы хотэл знать. Где он сэйчас?

– К сожалению, товарищ Сталин, он, вероятнее всего, попал в окружение в последних числах июня. Где он сейчас, я не знаю. Возможно, погиб или попал в плен.

– Что у миня за такие маршалы, которые не толко начало войны праваронили, но еще и про своих падчиненных ничего не знают? – без угрозы в голосе произнес тот, снова усмехаясь. – Нэкомпетентные какие-то, да. Это я так шучу, таварищ Тимошенко, нэ напрягайтесь. Зато таварищ Сталин знает. Он вишел из окружения вместе с сотрудником особого отдела, мне таварищ Михеев[1 - Михеев, Анатолий Николаевич, комиссар государственной безопасности 3-го ранга, с февраля по сентябрь 1941 года – начальник 3-го Управления НКО СССР (особые отделы). Героически погиб в бою 12 сентября 1941 года.] доложил. Ступайте, Семен Константинович, ви свабодны. И воюйте изо всэх сил. Изо всэх, харашо? Нам сейчас главное – не допустить захвата противником Смоленска, вэдь оттуда прямая дорога на Москву.

Дождавшись, пока ломающий голову, к чему был весь этот разговор, маршал покинет кабинет, Сталин взял в руку трубку и откинулся на спинку кресла, размышляя. Все же что-то с этим героическим комбатом не так, очень сильно не так. Из окружения-то он вышел, вернее, был выведен повстречавшейся по дороге разведгруппой, вот только на утро следующего дня внезапно потерял память. Причем не полностью, а, так сказать, избирательно, напрочь позабыв все, что происходило начиная с рассвета двадцать второго. Правда, за пару дней до того его контузило, но Иосиф Виссарионович отчего-то всем своим существом ощущал, что все не так просто. Непонятно, совсем непонятно. А подобного привыкший знать все и про всех Вождь очень не любил. Нет, определенно что-то

тут не так! И потому не стоит оставлять все в ведении Третьего управления. У него найдется кому заняться подобными… загадками. Меркулова[2 - Меркулов, Всеволод Николаевич, в описываемый период – нарком НКГБ СССР.] подключить? Нет, тоже не тот уровень. Грамотный товарищ, спору нет, бывший зам Лаврентия, и все же что-то подсказывало Вождю, что и этот выбор неверен. А собственным чувствам Иосиф Виссарионович привык доверять. Были в прошлом, знаете ли, прецеденты.

Докурив, товарищ Сталин аккуратно положил потухшую трубку в пепельницу, чтобы горячий пепел впитал влагу из мундштука, и приказал соединить его с наркомом внутренних дел…

Глава 1

Земля, далекое будущее

На этот раз Кобрин в бар не пошел – просто не хотелось. Побродив до темноты в городском парке, Сергей вернулся в комнату офицерского общежития. Особого волнения не было, скорее наоборот: ему хотелось поскорее снова отправиться в прошлое. За прошедший год воспоминания о проведенных в сорок первом днях так и не стерлись из памяти, лишь стали менее острыми, будто окатанная морскими волнами галька. Уже не ранили гранями, оставляя на душе кровоточащие раны, как первые месяцы, но по-прежнему лежали тяжким грузом. Где-то рядышком с теми воспоминаниями, что он привез с Терры-3 и Вирджинии.

Но было и еще кое-что. То, о чем он не рассказал на обязательном собеседовании штатному психологу академии, старому знакомцу с общевойсковыми майорскими погонами и холодным взглядом сотрудника спецслужб. Хоть тот и настойчиво интересовался, не замечал ли Кобрин за прошедший год чего-нибудь необычного.

Спустя несколько месяцев после возвращения в свое время ему неожиданно стали сниться сны, чего в прошлой жизни практически не наблюдалось. И снилась ему война. Нет, не боевые действия на колонизированных планетах – Великая Отечественная. Иногда он видел во сне комбата Минаева, но гораздо

чаще – особиста. В основном сновидения воспроизводили пройденные им бои, однако порой он разговаривал с Виктором. Увы, напрочь забывая к утру, о чем именно. Оставалось лишь эдакое размытое послевкусие; невнятное ощущение того, что Зыкин всерьез на него обижен. Эх, если б не это проклятое «ответвление от основного потока»! Он мог бы попытаться найти Витьку, все-таки уровень командира бригады куда как повыше простого комбата! Но, увы, шансов ничтожно мало. Вряд ли научники ошибаются и он снова попадет в реальное прошлое…

А с Витькой они так, по сути, и не договорили. Даже попрощаться толком не успели. Встреченные в лесу – точнее, бесшумно подобравшиеся со спины, так что минус тебе, товарищ командир штурмовой роты! – разведчики проводили их до своих. Не в полном составе, разумеется. Основная часть группы продолжила выполнять задание, а один из ребят довел их до безопасного коридора. Уже через полтора часа товарищи были в расположении готовящихся к обороне советских войск. У местного контрразведчика они практически не задержались: ежедневно из окружения выходило множество красноармейцев, почти все с оружием и документами, так что опрос в особом отделе оказался чисто формальным. Да и наличие рядом Зыкина свою роль сыграло. Замотанный лейтенант ГБ с красными от усталости глазами молча выслушал рассказ Сергея, уточнив, может ли подтвердить его слова генерал-лейтенант Карбышев, и дал на подпись протокол. Виктора к этому времени уже отправили с попуткой в госпиталь – местный «молчи-молчи», как выяснилось, оказался очередным его знакомцем, так что тут лишних вопросов не возникло. В итоге Кобрину вернули оружие, командирскую книжку и отпустили отдыхать. Спать пока еще комбат ложился в самом мрачном расположении духа, прекрасно понимая, что пробудиться в этом времени ему уже не суждено.

Как, собственно, и вышло.

А потом, примерно через месяц, его начали посещать эти неожиданные сны…

Особенно запомнился один – когда ему, впервые в жизни, приснился пропавший без вести прапрадед, лейтенант-разведчик Федор Кобрин, сгинувший где-то в белорусских лесах в июне сорок первого года. Как ни странно, это оказался единственный сон, содержание которого он более-менее запомнил. Предок трясся в кузове полуторки по очередной пыльной грунтовке, каких Сергей за проведенные в прошлом дни перевидал великое множество, баюкая на груди раненую руку. Отчего-то капитан точно знал, что ранение неопасное, немецкая

пуля пробила бицепс навылет, не задев кость, но разведчика, несмотря на протест, все равно отправили в госпиталь вместе с другими ранеными.

Сидящих рядом красноармейцев Кобрин не запомнил, хоть один из них, тот, что сидел к прапрадеду вполоборота, и показался подозрительно знакомым. В том, что это именно предок, Сергей отчего-то нисколько не сомневался. Сначала Федор равнодушно смотрел поверх дощатого борта куда-то вдаль, коротко морщась от боли в раненой руке, когда грузовик особенно сильно подбрасывало на дорожных неровностях. Затем, словно почувствовав что-то, чуть повернул голову, безошибочно найдя взглядом глаза Кобрина. Едва заметно улыбнувшись, произнес, не раскрывая губ, – слова будто отпечатывались в разуме:

– Ну, здоро?во, внук! Ничего, что я эдак, запросто? А то пока все эти «пра-пра-пра» выговоришь, язык сломаешь…

– Здорово… дед, – так же безмолвно ответил капитан. – Ничего, конечно. Э-э… как сам?

– А чего мне сделается? Живой, как видишь. А рана – пустяк, заживет как на собаке. Обидно даже, что в госпиталь определили, мог бы и дальше бегать. В прошлый раз хуже вышло, осколком мне бедро аж до самой кости разворотило, пришлось остаться, чтобы отряд не задерживать. Так и помер в лесу без вести пропавшим да непохороненным.

– В прошлый раз? – искренне не понял Сергей. – Это как так?

– А сам разве не понимаешь? Эх, молодежь… Ладно, объясню. В прошлый раз моя разведгруппа на немцев напоролась, когда мы лазейку к нашим из Белостокского котла искали. Там я свой осколок и словил. Пока мои ребята уходили, сдерживал немцев, сколько мог. Потом патроны кончились, да и крови много потерял. Но сейчас никакого котла не случилось, вот и судьба моя по другой колее пошла-поехала. Так что спасибо, внук, подмог. Повоюю еще. Вот руку чуток подлечу и обратно на фронт. И недели-другой не пройдет, как добьюсь выписки, верно тебе говорю! Нечего мне попусту на койке валяться, когда вокруг такие дела творятся.

– Так… – Сергей попытался собрать в кучу скачущие стреляными гильзами мысли. – Так значит, теперь ты, э-э, без вести не пропадешь? Правильно

понимаю?

– Может, и не пропаду, – невозмутимо пожал здоровым плечом разведчик. – А может, и вовсе наоборот, кто ж его знает? То мне неведомо, это ж ты из будущего, не я.

– Дед, а как же…

– Все, – неожиданно резко отрезал тот. – Большего ни тебе, ни мне знать не положено. Иди и сражайся, не посрами ни меня, ни других предков. И знай, Сережа, я тобой горжусь. Правильную ты профессию выбрал, мужскую. Так держать. Родину защищать всегда почетное дело, где бы она, Родина та, ни находилась.

Прапрадед весело подмигнул и отвернулся. Кобрин растерянно поглядел на его короткостриженый затылок и перевел взгляд на сидящего рядом командира, неожиданно узнав в том Витьку Зыкина. Ну да, точно он, как же сразу-то не понял?! Радостно вскинувшись, хотел было окликнуть товарища, познакомить его с неожиданно нашедшимся прапрадедом, но, как водится, не вовремя зазуммеривший будильник мгновенно разорвал не существующую в реальности связь…

На следующий день пребывающий в спутанных чувствах капитан отправил новый запрос в объединенный банк данных архива Минобороны. Полученный ответ ничем порадовать не мог: лейтенант Федор Андреевич Кобрин по-прежнему числился пропавшим без вести в ходе боевых действий. Вот только дата изменилась, сместившись на два месяца, – согласно новым данным, это произошло не в июне, а в августе сорок первого…

Невесело усмехнувшись, Сергей закрыл присланный файл. Вот, значит, как – своим вмешательством в историю он подарил прапрадеду два лишних месяца жизни. Негусто, увы. С другой стороны, получается, посещающие его сны – не плод фантазии или бред уставшего за учебный день разума, а нечто в какой-то мере реальное, несущее в себе определенную смысловую нагрузку, которую можно проверить. Интересно, даже очень. Вот только что это означает? Некую остаточную ментальную связь с тем миром? Но в этом случае ему, скорее, должен сниться бывший реципиент, комбат Минаев, а не Зыкин. И уж тем более не прапрадед, от которого в оцифрованном лет сто назад семейном альбоме не

осталось даже фотографии. Значит, что? Да только то, что он ровным счетом ничего не понимает! Но рассказывать об этом никому нельзя, особенно особисту-психологу, иначе, чего доброго, может и от прохождения следующего «Тренажера» отстранить. Тем более еще неизвестно, КАКОЙ ИМЕННО вариант прошлого ему снится…

Отогнав невеселые мысли, Кобрин принял душ и завалился в койку. Завтра будет непростой день, и нужно как следует выспаться. Пройти вторую в жизни тренировку будет никак не проще первой, скорее наоборот: все ж таки у командира бригады и ответственность повыше, чем у обычного комбата, и людей в подчинении куда больше. Так что воевать снова придется всерьез, поскольку капитан отчего-то нисколько не сомневался, что и на этот раз окажется в сорок первом. С другой стороны, можно подумать, в прошлый раз вполсилы воевал! Интересно, он опять примет под командование родную пехоту или кураторы тренировки придумают что-то новенькое? Да, наверняка так и будет, в конце концов, штурмовые роты будущего – прямые потомки легендарной «царицы полей» двадцатого века. С этой мыслью Кобрин и заснул.

Еще не зная, что ошибается…

Окрестности Смоленска, август 1941 года

Никакого страха не было. Вообще не было. Сергей просто очнулся, уже почти привычно вынырнув из темного омута недолгого беспамятства, как-то сразу и полностью завладев сознанием реципиента. Ни малейшего сопротивления, как в прошлый раз. Всего лишь одно бесконечно долгое мгновение, и его собственное «я» заполнило чужой разум, словно вода – пустую емкость. Еще миг – и он окончательно осознал себя, причем сразу в обеих ипостасях: и как капитана штурмовой роты 42-го МПП Сергея Владимировича Кобрина, курсанта-второкурсника ВАСВ. И как подполковника Сергея Васильевича Сенина, командира танковой бригады 101-й ТД, в срочном порядке переброшенной под Смоленск для организации контрудара и обеспечения выхода из оперативного окружения попавших в кольцо советских войск. Ого, вон оно, значит, как? Аж целый подполковник? Неплохо он поднялся, можно сказать, через звание прыгнул. А то, что они еще и тезки, даже хорошо, проще привыкнуть. Так, не отвлекаться, продолжаем анализ. Кстати, легкость пси-ассоциации тоже нашла свое объяснение: реципиент настолько устал, что разуму донора даже не пришлось прилагать дополнительных усилий для подавления чужого сознания.

Подобное могло произойти еще и в том случае, если бы Сенин накануне всерьез напился. Но комбриг был абсолютно трезв. Просто нечеловеческая усталость после нервотрепки нескольких крайних дней.

Короткие сборы в ППД, погрузка в эшелон техники и матчасти, поездка под непрекращающимися бомбежками, когда из-за разбитых в очередной раз путей приходилось подолгу стоять, порой в буквальном смысле в чистом поле, гадая, кто успеет первым – прибывшие на ремпоезде с ближайшей станции путейцы или немецкие пикирующие бомбардировщики. Наконец, стоившая комбригу доброй кучи нервов спешная выгрузка – ночью, в жуткой суматохе и неразберихе, с соблюдением светомаскировки (просто удивительно, что обошлось без серьезных ЧП) – и многокилометровый марш-бросок в темноте по незнакомой местности, подальше от станции… да уж, было от чего вымотаться до предела! С этим понятно, поехали дальше.

Временная привязка? Август сорок первого, Смоленское сражение. Восьмое число. Так, стоп. Почему август, ведь Смоленск был полностью захвачен гитлеровцами еще 28 июля?! Кобрин потратил почти минуту, мысленно сравнивая собственную информацию с тем, что знал реципиент. Ага, вот оно что! Белостокского котла в этой реальности не было, с Минским у гитлеровцев тоже не слишком заладилось. Большая часть войск успела организованно отступить, так что никаких трехсот тысяч пленных и кучи военной техники в окружении не осталось. В результате столица Белоруссии пала почти на неделю позже, оттого и даты сместились. Да и не только даты – многое пошло не так, как было в реальности. Молодцы наши, притормозили фрица! Пусть ненамного, но притормозили…

С другой стороны, отчего ж не намного? Целая неделя в условиях лета сорок первого – это весьма и весьма неплохой результат. ЧТО?! До Сергея внезапно дошло, что все это означает: получается, он снова попал в тот же самый мир! Нет никаких «ответвлений» и «параллельных реальностей»! Их и на самом деле отправляют в реальное прошлое! Значит, он сможет отыскать Витьку Зыкина. Узнать, как сложилась судьба капитана Минаева и генерала Карбышева. Продолжить то, что начал на рассвете двадцать второго июня. И все его непонятные сны – не просто сны, а нечто гораздо большее!

«Успокойся, капитан, – с холодным скепсисом произнес внезапно проснувшийся внутренний голос. – Означает это исключительно то, что ничего не означает. Если бы «Тренажер» проводился в реальном прошлом, будущее – твое

будущее! – просто не могло так или иначе не измениться. Но пока из всех видимых изменений – только сместившаяся на два неполных месяца дата гибели твоего прапрадеда. Это раз. Но самое главное, что тренировку не ты один проходил. И не ты один мог переиграть ход приграничного сражения. Помнишь, как говорил генерал-лейтенант: больше суток продержались трое курсантов, включая тебя самого? Значит, это, скорее всего, и есть одна из трех измененных параллельных реальностей, вот и все. Это два. Ну, и последнее – кончай дурью маяться и займись делом. Разберись, кто ты и что вообще вокруг творится».

Кобрин мысленно вздохнул, признавая убийственную правоту второго «я»: и на самом деле, незачем себя обнадеживать. И другие занятия имеются, поважнее. Расслабившись, провел окончательную ассоциацию, в первую очередь прогнав в памяти предыдущую жизнь сорокалетнего комбрига. Бывший кавалерист, в Гражданскую воевал в Первой конной под началом Буденного. Конфликт на КВЖД, ранение, полгода в госпитале. После окончания танкового училища принял под командование сначала взвод, затем роту. Служил на Дальнем Востоке. В тридцать восьмом арестован по оговору сослуживца, полностью оправдан в связи с отсутствием состава преступления, восстановлен в звании и должности. Доносчика, кстати, вскоре арестовали, после недолгого следствия и суда приговорив к высшей мере социальной защиты по «58–1б» – оказался самым настоящим японским шпионом.

Дальше – бои на озере Хасан, спустя год – Халхин-Гол, где он воевал в составе 11-й бригады легких танков 57-го особого стрелкового корпуса. Там и познакомился с нынешним комдивом, полковником Григорием Михайловичем Михайловым. Снова ранение, на сей раз легкое – небольшой ожог рук, когда выбирался из подбитого японцами горящего танка, – две боевые награды и очередное повышение в звании. До сентября тридцать девятого служил в Монголии, в родной бригаде. Весной сорок первого по ходатайству Михайлова переведен в 52-ю ТД СКВО[3 - Северо-Кавказский военный округ.], получил под командование полк. Семейный, жена и двое детей, но родных до начала войны перевезти так и не успел, остались в Хабаровске. В конце лета дивизия переименована в сто первую танковую, пополнена новыми боевыми машинами и спешно переброшена на Западный фронт, в район Смоленска. Тогда же – несколько раньше, чем в известной ему истории, – решено заменить танковые полки бригадами. Ладно, с этим все. Теперь нужно определиться, где он конкретно находится, и «вспомнить» события нескольких ближайших дней. Подчиненные, особенно командный состав, техническая оснащенность, топливо и боеприпасы, силы и средства противника, ближайшие планы командования.

Итак, согласно нынешнему штату бригада включает три батальона, всего девяносто три танка. Первый батальон – две роты средних танков («Т-34», отлично!) и роту тяжелых «КВ». Второй и третий укомплектованы легкими «БТ» и «двадцать шестыми» разных модификаций. Моторизованный стрелково-пулеметный батальон – тоже весьма недурно. Правда, насчет «моторизированного» – это, мягко говоря, несколько преувеличено, с транспортом имеются проблемы, и серьезные, зато со стрелковкой все в порядке, пулеметы согласно штату, больше трети бойцов успели перевооружиться самозарядными винтовками. Ну да ничего, советская пехота к особому комфорту не приучена, больше привыкла ножками топать. Воздушное прикрытие – зенитно-артиллерийский дивизион, оснащенный в основном скорострельными автоматическими пушками. Совсем хорошо. Подразделения обеспечения…

– Товарищ подполковник, подъем! – решительно отрывая Сергея от размышлений, раздался над ухом негромкий голос. – Просили в четыре разбудить, сейчас как раз без трех минут. Светает уже.

Вздрогнув от неожиданности, Кобрин торопливо раскрыл глаза, старательно делая вид, что только проснулся. Над ним стоял, как предусмотрительно подсказала память реципиента, лейтенант Малеев, делопроизводитель при штабе бригады.

По-своему истолковав реакцию командира, тот виновато улыбнулся:

– Простите, товарищ подполковник, знаю, что не выспались, но сами разбудить приказали. Сейчас Ваня завтрак принесет и горячей воды, побреетесь. Через сорок минут соберу остальных в штабной избе.

– Добро, – хриплым ото сна голосом ответил капитан. – Благодарю. Свободен.

– Так точно, тарщ подполковник! – Лейтенант козырнул и торопливо ретировался. Побаивается он его, что ли? Кстати, похоже, да – подполковник Сенин имеет репутацию весьма резкого командира, всерьез подвинутого на справедливости. Видать, сказываются последствия того давнего ареста.

Присев на скрипнувшей под его весом кровати, Сергей прокашлялся, прочищая горло, – на самом-то деле голос хрипит не столько после сна, сколько из-за того,

что он не овладел в полной мере моторикой комбрига. Просто времени не было, то ли дело прошлый раз: можно было спокойно прийти в себя, походить по комнате, привыкая к «новому» телу, – и все такое прочее. Кобрин мысленно ухмыльнулся – интересно, это так задумано или просто случайность? С целью, так сказать, усложнения задачи тренируемого? Если специально, то прохождение следующего «Тренажера» начнется с того, что он придет в себя непосредственно во время боя! И дальше выкручивайся как хочешь. Шутка, конечно, но не зря ж в старину говорилось, что в каждой шутке есть доля шутки… или правильно говорить, «доля правды»? Никак не вспомнить…

Отогнав несвоевременные мысли, капитан поднялся на ноги, натянул пропахший соляркой и маслом комбинезон и обулся – накрытые несвежими портянками сапоги обнаружились возле койки. Осмотрелся: самая обычная изба, не особенно и большая. Потемневший от времени низкий потолок, незатопленная печь в углу, распахнутые по летнему времени окна, завешенные вылинявшими занавесками, колышимыми легким ветерком. В красном углу – пустая полочка-иконница, застеленная вышитым рушником. Насколько Кобрин знал реалии времени, отсутствие образо?в могло означать только одно: жители ушли, оставив деревню. Деревню? Покопавшись в памяти реципиента, Сергей нашел нужную информацию – ну да, именно деревню со вполне предсказуемым названием Лесухино, расположенную меньше чем в десяти километрах от окраины Смоленска, в которой после ночного марша расположилась танковая бригада.

Немного походив по комнате, Кобрин пару раз присел и сделал руками несколько энергичных пассов, словно выполняя разминочный комплекс. Тело слушалось отлично, с мелкой моторикой тоже все оказалось в полном порядке. Жаль, зеркала в пределах досягаемости нет, интересно, как он теперь выглядит. Хотя лейтенант насчет бритья упоминал, значит, найдется зеркало, не вслепую ж ему морду лица опасной бритвой скоблить?

Перепоясавшись потертой портупеей, автоматически проверил наличие пистолета в кобуре. Пока никто не видит, провел ревизию карманов, изучая личные вещи. Вот те на, подпол Сенин, как выяснилось, курит. Неприятное открытие – сам Кобрин никогда дурным делом не баловался. Да и вообще, в его времени эта вредная и опасная привычка окончательно сошла на нет еще лет сто пятьдесят назад. Придется и ему дымить, иначе спалится мгновенно. Но вот как на это отреагирует его сознание? Смешно будет, если привыкнет!

– Разрешите, товарищ подполковник? – Дождавшись кивка обернувшегося в сторону сеней командира, в избу бочком пробрался ефрейтор с котелком в одной руке и закопченным чайником в другой. Грюкнув посудой о поверхность стоящего по центру комнаты стола, танкист поставил рядом пустую алюминиевую кружку и вытащил из кармана комбеза чистую тряпицу с несколькими ломтями сероватого хлеба и завернутым в марлю неровно наколотым сахаром. От котелка доносился умопомрачительный аромат чуть подгоревшей гречневой каши с тушенкой, и Сергей непроизвольно сглотнул заполнившую рот слюну.

– Приятного аппетита, тарщ командир. Чайник полный, и чаек заварить хватит, и побриться. Заварка вон тута, в марлечке, вместе с сахарком. Вы кушайте, покудова не остыло. Разрешите идти?

– Иди, – махнул рукой Кобрин, у которого от щекочущего ноздри аппетитного запаха ощутимо забурчало в животе. Ну да, поужинать вчера реципиенту толком не удалось, перед сном сгрыз пару сухарей с кружкой остывшего чая – и все.

Пока завтракал и неумело брился – опасная бритва и небольшое зеркальце в дерматиновом футляре нашлись в полевой сумке, так что зря переживал, – успел разложить «по полочкам» всю известную как Сенину, так и ему самому информацию относительно недавнего прошлого и ближайших планов. Ни то, ни другое откровенно не радовало. Проблема крылась в том, что всей полнотой информации о нынешнем состоянии дел на фронте комбриг, по вполне понятным причинам, не владел. «Принесенные» же из будущего знания, как выяснилось, к этому моменту практически полностью обесценились в результате произошедших изменений реальности. Какая польза знать, как все обстояло в той истории, где Смоленск пал в конце июля, если сейчас уже вторая неделя августа, а бои за город продолжаются? И РККА, и вермахт неоднократно меняли планы, несли потери, получали подкрепление, что может означать только одно: события ныне развиваются по некоему новому сценарию, о котором Кобрин просто-напросто практически ничего не знает. Только то, что известно его реципиенту, разумеется… который, так уж выходит, всего второй день на фронте…

Печально, конечно, но с другой стороны, ему никто и не обещал легкой прогулки в прошлое. В прошлый раз он точно знал, что станет предпринимать противник, какими силами и средствами он располагает, сейчас же – весьма и весьма приблизительно. Возможно, в этом и есть глубинный смысл «Тренажера»:

больше никакой форы, никакого глобального послезнания, теперь думай исключительно сам? Шевели мозгами, импровизируй, учись мыслить стратегически, имея лишь общие представления о происходящем на огромном фронте. Зря, что ли, в академии два года казенные штаны просиживал? Кстати, на этот раз и выдергивать курсанта до полного завершения тренировки, каким бы оно, это самое завершение, ни оказалось, никто не станет – по той же озвученной выше причине. Никаких подсказок и предварительных «разборов полетов», как в первый раз. Сказано же: «думай сам»…

И все же самым главным, с точки зрения Сергея, оказалось как раз то, что ход исторических событий все-таки начал меняться, пусть и неторопливо, с отставанием в неделю-две, но начал! Впрочем, последнее как раз вполне объяснимо – слишком невелики пока внесенные «гостями из будущего» изменения. Нет, недопущение окружения в Белостокском выступе войск 3-й и 10-й армий и разрушение замыслов Оберкомандования относительно Минского котла – огромное достижение для июня сорок первого. Спасены сотни тысяч бойцов и тысячи единиц техники; гитлеровцам пришлось спешно пересматривать первоначальные планы «Барбароссы», что в любом случае играет против них.

Но германская военная машина, на которую работает промышленность практически всей Европы, пока еще слишком сильна и прекрасно организована. Первые потери – весьма, между прочим, существенные, в разы большие, чем предполагалось изначально! – еще никак не отразились на общем положении дел на фронте. Да и немецких генералов, к сожалению, так просто из седла не выбьешь – старая школа. Не вышло так – попробуют эдак. Хаоса же в управлении войсками РККА если и стало меньше, то, увы, ненамного. Так что подождем. И поможем, разумеется. Иначе, собственно, зачем он тут? Если теория постепенного нарастания темпоральных изменений (та самая достаточно популярная «теория внутренней кумуляции», согласно которой привнесенные извне изменения накапливаются до достижения некой «точки невозвращения», после чего будущее начинает меняться лавинообразно) верна, то с каждым новым «Тренажером», с каждым успешно прошедшим курс обучения курсантом эта самая точка все ближе и ближе!

Допивая остывший чай, успевший подернуться темной пленочкой, Сергей уже привычно порылся в памяти реципиента, выясняя, как обстоят дела с матчастью, в первую очередь горючим и боеприпасами. С удивлением выяснил, что с этим все более-менее нормально – куда лучше, чем было в том прошлом, о котором он

знает. Ну, по крайней мере касаемо его бригады. К примеру, с горючим оказалось неплохо: трехтонные «ЗИСы»-«наливняки» успели затемно выгрузиться на соседней станции и шли следом за танками. Уже хорошо, не придется бросать исправные боевые машины только потому, что в баках не осталось ни капли солярки или бензина. С боеприпасами тоже терпимо, на первое время точно хватит, а там, будем надеяться, и еще подбросят: тылы прибывали разными эшелонами, порой идущими со значительным запозданием. Выгрузятся и подвезут, лишь бы под авианалет не попали, охотиться на беззащитные колонны немцы большие мастаки. Да и танки из дивизии, как частенько случалось в начале войны, никто для затыкания очередного прорыва не выдергивал. То ли не успели, поскольку они только вчера на фронт прибыли, то ли не было в этом варианте истории ничего подобного. Скорее первое, конечно… Пушкари тоже не подкачали – входящий в состав дивизии гаубичный артполк не отстал, не растянул и не растерял тылы. Недурно, даже очень недурно. Боеприпасов у них, правда, мизер, от силы на полчаса нормальной артподготовки, но и на том спасибо. Глядишь, тоже подвезут.

И все же в целом ситуация оставалась критической. Как ни пытался Кобрин «притереть» знания реципиента к собственным данным, как ни переставлял даты с учетом временно?го сдвига, выхода найти не мог. Смоленск уже не удержать. Притормозить фрицев еще на недельку – возможно, но город рано или поздно придется сдать. Причем скорее рано, чем поздно, увы. Так что насчет недели он определенно погорячился. Причем сильно. С другой стороны, в стратегическом смысле блицкриг уже практически выдохся. И, прежде чем падет Смоленск, выдохнется еще больше. Да и решение Гитлера развернуть часть войск на Ленинград и Киев, как и в прошлый раз, свое влияние оказало. А это – лишние недели, а то и месяцы, столь необходимые для подготовки сначала обороны, а затем и контрудара под Москвой. Который, как ему кажется, окажется куда как более сокрушительным, чем в известной ему истории. И лишние же гирьки на чашу весов той самой теории внутренней кумуляции – ведь никто не знает, когда суммарный «вес» изменений переборет естественную инерцию времени.

Отставив в сторону опустевшую кружку, Кобрин расстелил на столе карту, всматриваясь в нанесенные рукой реципиента условные обозначения. Перед тем как идти к своему штабу, нужно прикинуть диспозицию и собственные планы на сегодняшний день. Точнее, утро. Ну, а относительно финала Смоленского сражения в целом? Будем надеяться, на этот раз все будет по-другому! Пусть не стратегически, так хоть в тактическом плане.

Города сдавать тоже по-разному можно. Равно как и отступать.

В том числе и так, чтобы аналитики гитлеровского генштаба впоследствии пришли к мнению, что потери наступающих войск оказались слишком велики…

Глава 2

Ретроспектива. 29 июня 1941 года

В кузов отправляющейся в тыл полуторки мамлей Зыкин забирался в самом мрачном расположении духа. Даже со Степанычем толком попрощаться не дали! Нет, оно понятно, что ему в госпиталь поскорее нужно – в ране все больше свербит, кожа вокруг пулевых отверстий подозрительно покраснела, да и температура, похоже, начала подниматься, – но все равно, нехорошо как-то вышло. Ладно, хоть начальника местного особого отдела, лейтенанта Макарычева, он более-менее знал – пересекались пару раз до войны. Так что тут никакой волокиты не возникло, мурыжить его Ванька не стал, проверил документы и отпустил. Обидно, конечно, в госпитале время зазря терять, но тут уж ничего не поделаешь. Подлечиться ему определенно нужно, вон как колотит, несмотря на жаркий день…

Забравшись при помощи приданных в помощь медикам бойцов в кузов, Виктор уселся на лавку рядом с раненным в руку лейтенантом, судя по видавшему виды камуфляжному костюму – разведчиком. Повозившись, устроился поудобнее, опершись здоровой половиной спины о борт. Невежливо, конечно, сидеть к товарищу по несчастью боком, вроде как отвернувшись, но иначе станет на каждой колдобине больным местом о доски ударяться. Дождавшись, пока погрузят остальных эвакуируемых, шофер грузовика поднял борт и, проверив замки, полез в кабину.

Фыркнув пару раз, мотор завелся, и полуторка тронулась с места. Вырулив на дорогу, шофер рывком прибавил скорости. Сидящего рядом с Зыкиным бойца кинуло на мамлея, раненую грудь прострелило короткой болью, и он сдавленно зашипел, стравливая воздух сквозь плотно сжатые губы. Зар-раза! Бросив на него быстрый взгляд, разведчик стукнул кулаком здоровой руки по пыльной жестяной крыше:

– Эй, братишка, впервой за баранку сел, что ль? Не дергай так, людей везешь, не дрова! Тут раненые, ежели ты не в курсе! Правильно, тарщ младший лейтенант госбезопасности? – последнее относилось к Виктору.

Взглянув на ухмыляющегося разведчика, тот вымученно улыбнулся в ответ, внезапно припомнив, как несколько дней назад сам сел за руль трофейного «Опеля». Сперва вышло не шибко удачно – трогаясь с места, так газанул, что едва не протаранил корму стоящего впереди грузовика. Повезло, что тормознуть вовремя успел.

– Да нормально все, сами видите, какая тут дорога после того, как танки прошли. Не дорога, а одно сплошное направление.

– Тоже верно, – согласился тот, протягивая руку. – Да вы не вертитесь, сидите, как удобно, а я вас плечом подопру, всяко помягче, чем на доски опираться. Познакомимся?

– Можно. Младший лейтенант Зыкин, Виктор. Особый отдел.

– Лейтенант Кобрин, фронтовая разведка. Федором кличут.

– Очень приятно. – Контрразведчик вяло пожал грязную ладонь разведчика. Тот тоже особо не усердствовал, боясь доставить товарищу боль.

В следующий миг до него дошло:

– Постой, как ты сказал?! Кобрин? Федор Андреевич? Так?

– Ну да… – удивленно подтвердил тот, непонимающе глядя в лицо Зыкина. – Все верно. А в чем дело-то, тарщ младший лейтенант? Мы вроде раньше не пересекались, у меня память на лица стопроцентная. Профессиональное, так сказать.

– Да нет, ничего, прости, лейтенант. Просто ты мне одного доброго знакомца напомнил, его в точности так же звали. Мы с ним давно… гм… потерялись, еще на Финской. Погиб он, скорее всего. А тут услышал знакомое имя да и подумал, что ошибаюсь, что нашелся товарищ. Извини, лейтенант, показалось, сейчас

пригляделся – не особо ты на него и похож. Ошибочка вышла…

И торопливо отвернулся, до боли закусив губу, чтобы не выдать себя выражением лица. Вон оно как вышло: просил Степаныч имя предка запомнить, он и запомнил. Как там он говорил – «пропал без вести в конце июня сорок первого»? Угу, именно так. Ну, ситуация… не рассказывать же ему, что в полукилометре его собственный праправнук сидит? Да и какой он ему праправнук, если для всех он – комбат Минаев?

– Не, на Финскую не попал, – покачал головой разведчик, задумчиво глядя в короткостриженый затылок особиста. – А что ошибся – так всякое бывает, мало ли похожих людей на свете. Ты вот что, братишка, давай привались ко мне, ехать нам долгонько, не ровен час растрясет…

* * *

Окрестности Смоленска, август 1941 года

Командирский танк Кобрину понравился. Практически новенькая харьковская «тридцатьчетверка», еще с «лысой» гусеницей старого образца, но зато уже с нормальной пушкой длиной в сорок один калибр, что капитана порадовало особо. Радиостанция на борту тоже, разумеется, имелась – да и как иначе? Танк-то командирский. Правда, особых надежд на «71-ТК-3» Сергей не возлагал. Поскольку из очередного загруженного во время подготовки инфопакета прекрасно знал, как часто радиостанции выходили из строя даже из-за банальной вибрации, вызванной движением танка по пересеченной местности или выстрелами башенного орудия. Не говоря уж о чем-то более серьезном, вроде ударов в переднюю броневую проекцию вражеских болванок. Порой после серьезного боя приходилось даже лампы менять, поскольку бились, заразы, нещадно, не выдерживая запредельных нагрузок. Собственно говоря, танк редко выдерживал без ремонта больше трех-пяти боев: что-то да обязательно ломалось, если не ходовая, то движок или трансмиссия. Да и в атаку мехводы шли, как правило, на второй передаче, регулируя скорость только газом, что, понятное дело, ресурса двигателю вовсе не добавляло…

В принципе, Сенину как комбригу полагался тяжелый танк, но подполковник выбрал более маневренную «тридцатьчетверку». В чем Кобрин оказался абсолютно согласен с реципиентом: он бы поступил точно так же. Пусть броня и

пожиже, зато скорость и соответственно маневренность – куда как выше. Да и пушка мощнее, чем устаревшая «Л-11». «КВ», по меркам сорок первого года, конечно, машина практически не убиваемая имеющимися у немцев огневыми средствами, но и проблем с ним немало, что в бою, что на марше. Особенно у механика-водителя, который порой передачу совместными со стрелком-радистом усилиями переключал, ага…

Экипаж, который, как подсказала память, подполковник Сенин подбирал сам, ему тоже пришелся по душе. Нормальные ребята и, что особенно важно, успевшие повоевать. Механик-водитель Виктор Цыганков управлял «Т-28» на Финской. Стрелок-радист Гриша Божков и командир башни, попросту – заряжающий Степан Анисимов – прошли Хасан и Халхин-Гол в составе родной для подполковника 11-й бригады. На легком танке, конечно, но сейчас это не имело никакого значения. Рация практически однотипная, разве что унитар потяжелее. Зато места внутри больше да броня куда серьезнее.

Ответив на приветствие выстроившихся перед боевой машиной подчиненных, Кобрин вкратце сообщил им, что предстоит делать, и скомандовал «по местам!».

Первым в танк забрался, как того и требовало наставление, радиотелеграфист-пулеметчик, ногами вперед скользнув в люк, следом погрузился механик. Ухватившись за ствол опущенной в горизонталь пушки, залез на броню и Кобрин. Вышло на удивление ловко: помогли рефлексы реципиента, проделывавшего подобное не раз и не два. В принципе, он помнил, что согласно тому же самому наставлению командиру положено грузиться с левого борта, однако на ранних «тридцатьчетверках» еще не имелось десантных поручней на корпусе и башне, так что так было удобнее. Устроившись на своем месте, капитан подключился к ТПУ. Вот, кстати, и еще один местный супердевайс, выполнявший свои функции, мягко говоря, не слишком хорошо – неспроста же в начале войны командиры танков больше полагались на жесты да упертый в спину мехвода сапог.

Незаметно для боевых товарищей огляделся, заново привыкая к машине, внутри которой он ни разу в жизни не был. Допущенных к прохождению «Тренажера» курсантов, правда, возили в крупнейший на планете танковый музей в Кубинке, позволяли посидеть внутри исторических боевых машин и даже обучали азам вождения. Но именно эту модель Сергей не знал, хоть «тридцатьчетверку» пару раз по полигону и погонял – послевоенного выпуска, разумеется, специально восстановленную для подобных целей. Поговаривали, что в ангарах медиаконцерна «Мосфильм» имеется еще несколько машин в ходовом

состоянии, но Кобрин в подобное не слишком верил. Зачем, если уже которую сотню лет всю боевую технику отлично заменяет высококлассная компьютерная графика или выполненные с высочайшей исторической точностью реплики? Хотя кто их, киношников, знает? Ребята те еще ретрограды. Вон, стрелковое же оружие не заменяют репликами, используя на съемках вполне реальные образцы, выпущенные еще в двадцатом веке. Тем более фильмы о Великой Отечественной до сих пор востребованы зрителем, и не только на Земле.

Ага, он не ошибся, танк и на самом деле недавно с завода. И дерматиновые сиденья еще не потерлись, и выкрашенная белой краской внутренняя поверхность брони почти не изгваздана вечно грязными танкистскими ладонями и пропитанными соляром комбинезонами, не потемнела от пороховой гари. Даже штатный брезентовый мешок для стреляных гильз новехонький, ни в одном месте не прожженный, что понимающему человеку о многом способно сказать. Боекомплект полный, и «чемоданы» основной укладки, и «хомутики» на обоих бортах. Что ж, неплохо, будет чем воевать. Хотя если бой будет по-настоящему серьезный – а других в это время и не бывало, – унитары быстро к концу подойдут.

– Тарщ командир, – подал голос устроившийся на своем месте механик-водитель. – Заводить?

– Заводи, – ответил Кобрин, следом обратившись к радисту: – Гриша, связь с комбатами и ротными есть? Добро, передай приказ начать движение.

Подключив при помощи радиста массу, Цыганков завозился с топливным краном и ручным насосом, повышая давление в топливной системе. Выключив главный фрикцион, притоптал педаль подачи топлива и нажал кнопку стартера. Движок подхватил со второго раза, могуче взревев всеми своими пятьюстами «лошадками». Патрубки пыхнули дымом, пронзенным искрами недогоревшего соляра.

– Готово, – отчитался мехвод, втыкая передачу. – Можем ехать.

Высунувшись из люка, Кобрин вытянул руку с желтым сигнальным флажком, что означало «Внимание. Подготовиться к движению». Убедившись, что комбаты заметили и отрепетовали команду ротным, несколько раз дернул флажком вверх-вниз, приказывая строиться в походную колонну. Скомандовал механику:

– Витя, давай помаленьку вперед. Пойдем сразу за второй ротой, а «ворошиловы» пусть следом прут, авось не отстанут.

Дождавшись своей очереди, «Т-34» плавно качнулся и начал движение, постепенно набирая скорость. Сергей оглянулся, убеждаясь, что остальные боевые машины также тронулись, сбрасывая под гусеницы нарубленную в лесу маскировку и выстраиваясь в колонну. В башенных люках торчали с поднятыми в руке флажками командиры танков. Вот и ладненько. Пока все идет более-менее. Кто-то, разумеется, заглохнет, не проехав и сотни метров, кто-то отстанет на марше, но это уже ничего не сможет изменить. Ни для них, ни для немцев. Поскольку возврата не будет. Теперь только вперед и…

«…и можно без песни, – припомнив невесть откуда взявшееся в памяти выражение, невесело усмехнулся про себя капитан. – Какая уж тут, на хрен, песня, если впереди бой не на жизнь, а на смерть? Те, что до войны пели, уже неактуальны, поскольку «малой кровью» да «на чужой земле» не получилось. А новые, которые и через двести лет петь будут, еще не написаны. Ни «смуглянка», ни «Бьется в тесной печурке огонь»…»

Спустившись вниз – заряжающий потянулся было к стопору башенного люка, но Кобрин решительно мотнул головой, – капитан уселся на свое место. Мотало на лесной грунтовке просто-таки нещадно, и ему понадобилось несколько минут, чтобы приноровиться к этому. Все оказалось не столь и сложно – главное, ухватиться за что-нибудь неподвижное и поймать ритм, слившись с боевой машиной в одно целое. Но вот с оглушительным, несмотря на наглухо застегнутый танкошлем, ревом дизеля сделать ничего не удавалось. Странно, когда в будущем по полигону круги наматывал, такого грохота не было? Впрочем, понятно, в чем дело: тогда курсантам выдали современные шлемофоны с несравнимо лучшей шумоизоляцией. Перебедуем…

Остановились спустя полтора часа марша, когда до цели оставалось не больше трех километров. Дальше начинались практически открытые места, соваться куда без разведки было полным идиотизмом. Это если не помнить про вражеские противотанковые батареи, размещенные и замаскированные, нужно полагать, со всей тщательностью и прочей немецкой педантичностью. Благо местность для этого, к сожалению, была практически идеальной, со множеством топких низин, неглубоких, но извилистых оврагов и прочих геодезических прелестей, которые любой военный фортификатор с легкостью превратит в артпозицию. Начинать наступление без разведки и артподготовки, коль уж

артиллеристы ухитрились не отстать и не растянуть тылы, Кобрин не собирался. Даже если в штабе дивизии и будут считать иначе.

– Товарищ комбриг, комбат-раз докладывает, что разведка вернулась! – запыхавшимся голосом доложил подбежавший Малеев. – Я провожу, разведбат вон там обосновался.

– Добро, идем. – Кобрин бросил шлемофон высунувшемуся из люка мехвода Божкову (командирскую «танкошапку» тот поймал) и пригладил ладонью потные, липнущие ко лбу волосы. – Гриша, экипажу от машины не отходить. И вражеский эфир слушай, вдруг чего интересного будет.

– Так я ж по-ихнему почти не понимаю, – озадачился танкист. – Так, десяток слов, ежели частить не станут. Чего я там разберу?

– Значит, уроки в школе прогуливал, – беззлобно ухмыльнулся Сергей. – Видать, батя мало порол, двоечник. Приказ старшего по званию слышал? Слышал. Вот и выполняй по мере сил и со всем пролетарским старанием.

– Есть… – кисло протянул радист, торопливо скрываясь, от греха подальше, в танке. Торчащий из башни заряжающий, не скрываясь, заржал. Но, наткнувшись на быстрый взгляд командира, мигом нырнул вниз, со скрипом захлопнув массивную крышку. Простукивавший пальцы траков Цыганков ошибки товарища повторять не стал, вовремя скрыв улыбку за пышными усами, пожелтевшими от табачного дыма, и с удвоенным усердием заработал молотком.

– Разболтались… – осуждающим тоном начал было лейтенант, но Сенин, подтверждая строгий нрав реципиента (нужно ж соответствовать, ага), коротко буркнул:

– Вперед, лейтенант, некогда языками трепать. Немец ждать не станет. Со своим экипажем сам разберусь, без подсказчиков…

* * *

– …Вот такая, значится, у них диспозиция, товарищ подполковник, – устало закончил командир разведроты, на полшага отодвинувшись от карты-

«трехверстки», расстеленной на танковом крыле.

Кобрин помолчал несколько секунд, переваривая информацию, взял у него из рук карандаш и, легонько постукивая по бумаге, обвел торцом указанные квадраты:

– Значит, вы засекли всего четыре батареи ПТО? Причем три из них – малокалиберные, не больше тридцати семи миллиметров? И только одна, вот эта, калибром предположительно в семьдесят пять? Маловато что-то… Точно не ошибаешься, капитан?

– Никак нет, не ошибаюсь. А зачем им больше при такой-то ширине фронта? Тут болото, там и там – минные поля, время установить и замаскировать свои сюрпризы у немцев имелось. Ну, и те гаубицы, о которых третья группа доложила. Они сюда вполне себе добьют, это даже не предельная дистанция для ихних стопяток. Плюс авиация, сами же знаете, как они, твари, работают…

– Добро, разведка, спасибо. – Капитан крепко пожал загрубевшую от грязи и оружейного масла ладонь разведчика. – Отдыхайте пока, но ты уж не обессудь, капитан, понадобиться можете в любую минуту.

– Да разве ж я против? – обиделся тот. – Понятное дело. Нужно будет, снова пойдем.

Поколебавшись, Кобрин отвел капитана в сторонку от остальных командиров штаба. Особого удивления это ни у кого не вызвало: похоже, пока поведение Сергея мало чем отличалось от «прежнего» комдива.

– Слушай-ка, капитан. Очень мне твои слова про гаубицы покоя не дают. Видал я, что бывает, когда наши «коробочки» под их огонь попадают. А еще есть у немца крайне скверная привычка в случае чего выкатывать их на дистанцию прямого выстрела и долбить, словно из противотанковых. Вот и ответь: если наши боги войны их позиции не подавят – а в этом я, скажу откровенно, практически не сомневаюсь, – есть шанс твоим бойцам туда пробраться да хорошенечко пошалить? Так, чтобы больше уже ничего и никуда не стреляло? Или стреляло, но немножечко в другом направлении?

Разведчик чуть удивленно взглянул на комбрига, затем обветренные губы растянулись в понимающей улыбке. Похоже, идея Кобрина пришлась ему по душе:

– Во-он вы о чем, тарщ подполковник… А чего ж, и пробраться можно, есть там проход, аккурат вдоль разбитой железки очень подходящий овраг идет, и пошалить тоже. Нам бы только наводчика с собой взять. Ну, так, на всякий, как говорится, пожарный…

– Подумай об этом, капитан. – Сергей легонько сжал его предплечье. – И подбери на всякий случай группу из ребят понадежней да поопытнее.

Капитан криво ухмыльнулся:

– Обижаете, товарищ комбриг, ненадежных не держим. Неопытных – тем более. В нашем деле без опыта и товарищей подведешь, и первым на тот свет отправишься. Разведчик – он ведь как сапер, один раз ошибается. Сделаю. Срок?

– Не знаю пока. Думаю. Все, свободен, капитан. Отдыхай.

– Товарищ комбриг, так это – а зачем ждать-то? Уж больна идея хорошая, ничего подобного немцы точно не ждут. – Разведчик не сводил с Кобрина внимательного взгляда. – У нас и координаты целей имеются, полевой склад ГСМ, а в паре километров севернее – пункт боепитания всей ихней дивизии. Ребята туда тоже ползали. Вплотную, конечно, не подбирались, чтобы не нарваться, но на карту аккуратненько занесли. А наши гаубицы дотудова никак не добьют – в отличие от германских. Обидно такой шанс упускать, а? Можно несколькими залпами их и без горючки оставить, и без снарядов! Вы только лично приказ отдайте да пушкарям скажите, чтобы по нам, когда работать начнем, не пальнули сдуру. И наводчик грамотный нужен, а то и парочка, я ж говорил. Желательно, чтоб еще и трофейную технику немного знали, но это я уж так, слишком много прошу.

Сергей размышлял почти минуту, затем медленно кивнул:

– Добро, капитан, готовь две группы, основную и резервную. Насколько вижу по карте, стрелять придется с закрытой позиции, так что понадобится еще и корректировщик, я распоряжусь. Захватишь батарею и развернешь орудия –

сообщишь по рации, это и станет сигналом к началу нашей артподготовки. Начнете вместе, тогда фрицы точно не сразу разберутся, кто и куда стреляет. Через полчаса – на дольше у нас просто боеприпасов не хватит – пошлю в атаку танки с пехотой, поскольку ждать больше не смогу. Крайний срок еще оговорим, но если сигнала от тебя не поступит, наши гаубицы начнут работать и по вашей позиции. Тогда уж не обессудь.

– Дык оно понятно, – понимающе кивнул капитан. – Будет сигнал, не переживайте даже. А ежели напортачим – так и утюжьте фугасками на здоровье, нам уже все одно будет. Так я пошел готовиться? Нам много не нужно – с часок отдохнем, перекусим – и можем выдвигаться.

– Иди, капитан. И – спасибо. Очень неплохо с этой батареей может сложиться, и немцам хороший сюрпризец будет, и нам здорово поможете…

Глядя вслед разведчику, Кобрин задумчиво хмурился. Вот так оно и бывает: ну, заметили ребята немецкую батарею, доложили. Мало ли их в прифронтовой полосе, подобных батарей? Иной командир и внимания бы особого не обратил: нанес координаты на карту, передал начштабу, чтобы тот в свою очередь связался с артполком. Те и долбанули бы, когда время придет, а уж попали или нет? Как повезет. А так очень даже интересная штука может выйти. Без бензина и снарядов много не навоюешь. Сейчас фрицы абсолютно убеждены, что их складам ничего не угрожает: русские гаубицы не добьют, а с авиацией у большевиков и вовсе беда. И тут вдруг… да, интересно выходит, весьма интересно…

Глава 3

Окрестности Смоленска, август 1941 года

Расположенную в низине четырехорудийную гаубичную батарею взяли легко. Можно даже сказать, образцово-показательно взяли: ну не ожидали немцы от русских подобной наглости, просто не ожидали! Да и как ожидать, если позицию расположили глубоко в тылу, где угрожать артиллеристам могли разве что советские штурмовики, которых вот уж которую неделю в воздухе не видно? Теоретически их могли накрыть артогнем, дистанция, пусть и на пределе

дальности, позволяла, но откуда у большевиков точные координаты? Так что командир батареи, гауптман Крауфф, был абсолютно спокоен. Получат команду, отстреляются, а затем, если придет новый приказ, передислоцируются поближе к линии фронта, где советы готовят очередной контрудар, наверняка столь же провальный, как прежние. А уж как горят и взрываются их хваленые танки от попаданий тяжелых фугасных «чемоданов», он видел. Хорошо горят и взрываются – аж башни на полсотни метров улетают!

Но реальность оказалась гораздо более непредсказуемой. И печальной.

Без единого звука сняв охранение – нападения немцы не ожидали, оттого и расслабились, так что удалось взять их в ножи по-тихому, – разведчики атаковали одновременно обеими группами, ударив с флангов. Приданных артиллеристов – не обманул комбриг, прислав аж троих, двух наводчиков и корректировщика, – до окончания атаки спрятали в зарослях, от греха и прочей шальной пули подальше. Собственно, в кустах укрывали только наводчиков, поскольку корректировщик в сопровождении двух бойцов с рацией ушел своим маршрутом еще глубже в тыл, на заранее присмотренную высотку, откуда можно было оценить точность огня.

Много времени стремительная атака не заняла. Перебив офицеров и унтеров, не слишком успешно пытавшихся организовать оборону (большинство гитлеровцев даже не успели добраться до карабинов, а пулемет на командирском броневике подавили гранатами еще до того, как он успел открыть огонь), красноармейцы заставили обескураженную столь неожиданным изменением обстановки обслугу разворачивать двухтонные пушки. Что оказалось, к удивлению командира разведроты капитана Никифорова, довольно-таки непростой задачей. А он-то думал, что будет примерно как с родными полковушками: навалились разом, развернули с веселым матерком, воткнули в землю сошники – и пали сколько влезет…

Пока наводчики колдовали с прицелами, немцы таскали поближе к гаубицам боеприпасы. О сопротивлении никто из сотни пленных даже не помышлял – да и какое сопротивление, когда работать приходится под прицелом двух пулеметов и полудесятка автоматов? Только дернись – мигом попадешь под перекрестный огонь. Свободные от присмотра за артиллеристами разведчики оцепили низину поверху и наскоро окопались, готовясь, возникни такая необходимость, сдерживать атаку противника до тех пор, пока не отгремит последний пушечный выстрел. Или пока не закончатся патроны в магазинах и гранаты в

поясных подсумках. Поскольку сдаваться разведчики не собирались.

Но все было тихо, и разгоряченный недолгим боем Никифоров понемногу успокоился. Может, и сладится все; получится, как товарищ подполковник задумал… Отстреляются, взорвут пушки и тягачи с грузовиками да уйдут тихонечко, как и пришли. Главное, чтобы связь была, чтоб радисты не напортачили, ни тот, ни другой. Если вовремя не передадут сигнал комбригу, их родными же снарядами с землей перемешает (если попадут, конечно, в чем товарищ подполковник, помнится, сомнения испытывал). Ну, а не будет нормальной связи с наблюдателем – так далеко не факт, что уже они свои цели накроют. Что, если так рассудить, даже более обидно…

«Эх, жаль все-таки, что Федька Кобрин так не вовремя со своими ребятами сгинул! Очень бы сейчас его помощь не помешала – толковый разведчик, очень толковый. Когда его после госпиталя в наш разведбат определили, сколько радости было – обстрелянный командир, не раз к немцу в гости ходил, одних только «языков» пять штук лично приволок, – неожиданно подумал капитан, вспомнив о пропавшем во время рейда в немецкий тыл товарище. – Ну, да не стоит заранее хоронить, в нашем деле всякое бывает, глядишь, и вернутся еще мужики, выберутся…»

А затем настало оговоренное с комбригом время. И капитан, в очередной раз взглянув на наручные часы и убедившись, что никакой ошибки нет, что пора, молча пихнул в бок радиста, кивнув на радиостанцию. Нацепив наушники, тот вызвал абонента и, дождавшись ответа, трижды четко произнес слово «утро». Выслушав ответ, повернулся к командиру и широко улыбнулся, сверкнув выделявшимися на чумазом лице белоснежными зубами:

– Подтвердили, тарщ капитан! Начинаем через пять минут. Отсчет пошел.

– Вызывай корректировщика, – буркнул Никифоров, не спеша радоваться. Да, теперь по ним не долбанут, но это только полдела… пожалуй, что и не самая важная половина.

– Есть связь! – снова обрадовал радист. – Все в порядке! Просят, чтобы радиостанция поближе к наводчикам находилась, чтобы те не бегали тудой-сюдой.

– А то мы не знаем, – фыркнул капитан, именно поэтому и устроившийся в небольшом окопчике неподалеку от пушек, где до того сидел немецкий телеграфист. – Ладно, надевай обратно «уши», через три минуты начинаем наши половецкие пляски.

– Что еще за пляски такие? – поинтересовался радист.

– Опера такая была, про древнерусского князя Игоря. Про оперу-то слыхал, Сережа?

– Обижаете, тарщ командир, – без особой обиды в голосе пробурчал тот, возясь с настройкой. – Бывать, правда, не приходилось.

– Дело наживное, разобьем немца – сходишь, с любимой женщиной под ручку и в лаковых ботинках. Еще и в буфете грузинским коньячком остограммишься. Все, отставить разговоры, минута…

Терпеливо дождавшись назначенного времени, Никифоров приподнялся в тесном окопе и резко рубанул рукой, отдавая приказ временно переквалифицировавшимся в артиллеристов бойцам, дожидающимся команды со спусковыми шнурами в руках. Основную часть пленных, закончивших разгрузку боеприпасов, к этому времени уже отогнали в сторонку, заставив сесть на корточки и заложить руки за голову; их контролировали оба пулеметчика. Возле пушек остались лишь подносчики и заряжающие.

Но прежде чем по ушам ощутимо долбанул грохот первого залпа, капитан успел расслышать донесшийся с востока гул начавшейся советской артподготовки. Вот бывает же такое в жизни: вроде и часы не сверяли, а начали секунда в секунду!

Полетели на землю горячие закопченные гильзы, ноздри уловили кислый запах сгоревшего кордита. Отопнув латунные цилиндры в сторону, чтобы не мешались под ногами, немцы сноровисто перезарядили гаубицы. Капитан криво усмехнулся, наблюдая за стараниями гитлеровцев: ишь как работают, любо-дорого поглядеть! И ведь понимают, гады, что пушки по своим бьют, не могут не понимать! Неужто так смерти боятся, собственную жизнь ценой чужой выторговывая?..

Радист передал поправки, и спустя пару минут, потребовавшихся наводчикам для внесения необходимых изменений, батарея дала второй залп. А затем третий, четвертый и пятый, поскольку корректировщик запросил беглый огонь по последним координатам.

– Ну, чего там, Серег? – проорал полуоглохший Никифоров, до сего момента даже не представлявший, что гаубицы стреляют настолько громко. Аж в ушах звенит. Хотя, конечно, ежели рядом снаряд ахнет, так еще громче выходит…

– Так это… все… – Обернувшийся к нему радист выглядел несколько обескураженным, но весьма довольным. – Накрыли. Передают, чтобы переносили огонь на вторую цель. Да вон, и отсюда видать. – Повернув голову в указанном направлении, капитан разглядел затянувший дальний горизонт черный дым. – Горит бензинчик-то, тарщ капитан! Как мы их, а?!

– Не отвлекаться! – рявкнул разведчик, хоть ему самому хотелось плясать от радости. Вот тебе и половецкие пляски, угадал, стало быть…

И отдал распоряжение подбежавшему от орудий наводчику.

Склады боепитания нащупали только с третьего залпа: сказывалось почти в два раза большее расстояние. Но когда корректировщик заметил поднявшийся в небо клуб дыма, подсвеченный снизу всполохами новых разрывов, слишком мощный для гаубичной гранаты любого калибра, сомнений не осталось. Потратив еще несколько снарядов на окончательную пристрелку, батарея вновь перешла на беглый огонь. Спустя четыре залпа ожившая рация передала приказ уходить – задание было выполнено.

И вот тут встал вопрос, над решением которого Никифоров старался заранее не думать, суеверно решив сначала выполнить задание, а уж потом… Сейчас это самое «потом» настало. И теперь ему предстояло решить, что делать с немецкими артиллеристами. С одной стороны, фронтовая разведка пленных берет только по приказу, а сегодня приказа не имелось. Но с другой… был бы их десяток, даже два, он ни секунды б не сомневался. Война – она такая штука, подлая да жестокая, тут не до сантиментов. Но сотня с лишним рыл… Неохота как-то в расстрельную команду превращаться. Перебить-то их можно, конечно, дело нехитрое, пулеметы имеются. Бойцы тоже спорить не станут, коль приказ будет. Вот только неохота как-то такой приказ отдавать, муторно на душе. Да и

слова политрука то ли к месту, то ли совсем наоборот вспомнились, когда тот насчет угнетаемого буржуазией и обманутого Гитлером немецкого пролетариата рассказывал. Мол, воюют с вами такие же простые рабочие да крестьяне, все дела… правда, что-то не особенно эти самые пролетарии спешат штыки против угнетателей поворачивать, ну да не о том сейчас разговор. И чего делать? Не оставлять же их тут – и пары дней не пройдет, как они снова по нашим позициям своими фугасками швыряться станут.

Решение пришло неожиданно. Услышав краем уха брошенную кем-то из разведчиков фразу: «Эх, братва, жаль грузовики палить, столько добра пропадет. У нас в колхозе до войны аж полторы полуторки было – пока одна ездила, вторая на ремонте стояла, и наоборот, а тут цельных четыре трехтонки. Нам бы такие, хошь зерно вози, хошь еще что», – Никифоров только хмыкнул. А и на самом деле, чем не выход? Погрузить германцев в кузова – и по прямой к передку. С минуты на минуту комбриг свои танки вперед двинет, такая неразбериха начнется – мама не горюй. Вполне реально под шумок проскочить, есть тут неплохая дорога, не на каждую карту нанесенная. Часть, правда, через болотину идет, но лето жаркое было, обмелело поди. Танк точно не пройдет, бронетранспортер тоже вряд ли, а вот грузовик – вполне вероятно, даже загруженный. А и застрянут – немцы на плечах вытолкнут, коль жить хотят. Зато, ежели все грамотно срастется, они не только с ветерком до своих доберутся – тут по прямой от силы час пути, – но и пленных привезут. Главное, объяснить им вдумчиво, что либо тихо-смирно ехать в плен, либо – расстрел, чтоб особых иллюзий не испытывали. Вон, Антоха Дорошин знатно по-ихнему шпарит, до войны немецкий в школе-семилетке преподавал, пусть займется. Ну, а несогласных можно прямо тут и оставить, патронов хватит.

Гм, так, может, тогда и пушки с собой прихватить? Прицепить, вон, к транспортерам – и вперед. Нашим такой подарочек очень даже понадобится, гаубицы у немца хорошие, а снаряды всегда раздобыть можно. И товарищ комбриг оценит. Поразмыслив, взвешивая все «за» и «против», с минуту, капитан вынужден был с тяжким вздохом признать, что ничего путного из этого не выйдет. Не пройдут тягачи, еще и с орудием на прицепе, по болотине, тяжелые больно. Сядет хоть один на брюхо – и все, приехали, придется и остальной транспорт бросать. Как ни смешно, таскай немцы свои пушечки лошадками, как обычно и делали с легкими гаубицами, – могло и получиться, а так – увы… Поскольку так уж вышло, что захватили они именно мобильную механизированную батарею. Видать, и на самом деле немцы собирались пушки быстренько поближе к передку перекинуть да по нашим танкам ударить, как товарищ комбриг и опасался. Значит, вдвойне приятно, что опередили гадов,

поломали их планы фашистские… А пушки? Да и хрен с ними, у самих не хуже имеются. Главное, чтобы немец из них уже стрелять не смог.

Взорвав пушки принесенной с собой взрывчаткой – тротил брали с запасом, так что разворотило гаубицы на славу, теперь только на переплавку, – и подпалив облитые газойлем из запасных канистр тягачи, разведчики погрузили гитлеровцев в кузова грузовых машин и ушли к линии фронта. Спустя полтора часа заляпанная болотной жижей по самые тенты и крыши кабин (несколько раз автомобили и на самом деле застревали, и пленным приходилось выталкивать их на твердую почву, отчего сейчас они выглядели еще более впечатляюще) небольшая колонна наткнулась на советский передовой дозор. Обошлось без стрельбы, и вскоре и разведчики, и немцы оказались в расположении бригады.

Еще один крохотный эпизод большой войны завершился успешно для одной из противоборствующих сторон. На сей раз повезло тем, кто вот уже третий месяц оборонял, обильно поливая кровью и потом, свою родную землю.

И пока никто не знал, окажет ли это хоть сколько-нибудь значительное влияние на развитие ситуации на фронте в целом. Возможно – да. А возможно – и нет…

* * *

Первоначальный план подполковника Сенина был в целом неплох. Но с точки зрения Кобрина излишне прямолинеен. Плюс ко всему комбриг знал будущий ТВД исключительно по карте и, что куда более важно, не имел свежих разведданных. «Несвежих», впрочем, тоже. Кроме того, в нем не хватало, так сказать, творческого подхода и знания того, как на самом деле воюют гитлеровские командиры и чего от них можно ожидать. Опыт войны с наследниками легендарных самураев – здорово, конечно, но сейчас им противостоят отнюдь не японцы с их легкими танкетками и устаревшими ПТО, а самая сильная армия порабощенной Европы. На которую эта самая порабощенная Европа, «стонущая под фашистским сапогом», как наверняка патетично высказался бы политрук Аршенич, окажись он в пределах досягаемости, с превеликим усердием трудится не в одну смену в поте лица и не покладая мозолистых трудовых рук.

Короче говоря, план комбрига Кобрин изменил. Не радикально, конечно, – что можно перекроить, когда до начала контрудара остались считаные часы и

войска уже на позициях? – а, так сказать, творчески переработал исходя из новых условий, собственного понимания ситуации и, спасибо капитану Никифорову и его бойцам, разведданных. Нельзя сказать, что его решение было принято начштабом со товарищи так уж на ура, но тут сыграл свою роль непререкаемый – в отличие от того же комбата Минаева – авторитет прежнего Сенина. Так что повезло, на этот раз обошлось без размахивания табельным оружием и прочих «непопулярных мер». Да и кто б ему дал пистолетом-то размахивать? Сейчас отнюдь не раннее утро двадцать второго июня, а совсем даже начало августа. Год, правда, тот же…

Цель атаки – с ходу завладеть мостом и расположенной неподалеку железнодорожной станцией, перед которыми фрицы за пару суток возвели этакий противотанковый укрепрайон, благо болотистая местность позволяла, и закрепиться там, – разумеется, осталась прежней. Равно как и основное задание: перерезать и удерживать главное шоссе, по которому смогут отступить для перегруппировки и пополнения сил уже почти запертые гитлеровцами советские войска. Продержаться приказывалось не больше суток, максимум двух, после чего должны были подойти свежие силы (в чем Кобрин, откровенно говоря, особой уверенности не ощущал). Вполне выполнимая задача. Вот только переть в лоб Сергей не собирался.

Сначала артподготовка, в ходе которой, хотелось бы надеяться, пушкари вынесут обнаруженные ребятами из разведбата батареи ПТО и ближние тылы. Незадолго до этого две пехотные роты скрытно выдвигаются через болота, вполне проходимые по летнему времени – все ж таки август на дворе, а лето жаркое было, при определенной удаче можно и минометы протащить, и легкие пушки, – и занимают позицию с левого фланга, в полукилометре от станции, где и ждут своего часа. Третья рота идет десантом на танках первого батальона – «тридцатьчетверках» и «КВ», поскольку гробить бойцов, сажая на легкие жестянки с противопульной броней, капитан не собирался.

Затем – имитация подготовки лобовой атаки вторым и третьим батальонами, которые должны убедить гитлеровских наблюдателей, что русские, разумеется, попрут именно туда, куда и планировалось: в узкое дефиле между болотами и минными полями, выводящее прямиком к мосту. Причем вперед – по дурости, разумеется, – пошлют свои легкобронированные быстроходные танки, надеясь задавить противника числом. Вот только вместо встречного боя с началом артподготовки оба батальона внезапно уйдут в сторону, освобождая дорогу более серьезным танкам, для которых немецкие орудия в лоб практически не

опасны. На самом же деле наступать им предстоит с правого фланга, со стороны минных полей, откуда фрицы их уж точно не ждут. А уж в борт им и «сорокапяток» «БТ» и «двадцать шестых» за глаза хватит, главное, поближе подобраться да стрелять поточнее.

Больше всего времени Кобрин потратил, прикидывая, как проделать достаточной ширины проходы в утыканной минами луговине. Саперы не справятся – во-первых, просто не успеют, во-вторых, местность открытая, просматривается на добрый километр. Немцы заметят – из пулеметов перебьют или минами накроют. Хоть про минометные батареи Никифоров ничего не говорил, Сергей прекрасно знал, что этого добра у противника – как грязи. А времени, чтобы развернуться, нужен сущий мизер, несколько минут. Учитывая расстояние – и пятидесятимиллиметровыми добьют, не говоря уж о более серьезных калибрах. Еще и всполошатся раньше времени, а это никому не нужно.

Поначалу наиболее подходящей виделась возможность расстрелять противотанковые сюрпризы в полосе наступления минометным огнем. Если наводчики не напортачат, обеспечив должную плотность огня, вполне реально организовать «дорожку» в двадцать-тридцать метров шириной. Учитывая прямые попадания, осколки и ударную волну, вполне реально выбить процентов восемьдесят мин. Остальные, увы, сработают под гусеницами, но это уже неизбежные потери, без которых невозможен ни один бой. Особенно тот, когда приходится штурмовать позиции подготовившегося к обороне противника.

Но затем на помощь снова пришла память подполковника Сенина – еще в прошлый раз Сергей заметил, что часть воспоминаний реципиента «проявляется» не сразу, а, так сказать, по мере необходимости. Оказалось, что еще весной в дивизию отправили для полевых испытаний десяток противоминных тралов нового образца. Когда после начала войны танкистов перебрасывали на фронт, пылящиеся на складе тралы, разумеется, забрали с собой. Об использовании их по основному назначению тогда никто особо не думал, поскольку предназначались они исключительно для легких танков. Но вот сейчас неожиданно настал срок проверить их в боевых условиях.

Идея, конечно, была достаточно авантюрная – но, по трезвом размышлении, ничуть не более невыполнимая, нежели пытаться захватить мост лобовым ударом, лавируя танками между трясиной и минами. Кстати, касаемо этих самых мин: обследовавшие луг разведчики сообщили, что немцы использовали не

слишком мощные противогусеничные теллермины «T.Mi.35», при подрыве способные разбить несколько траков или повредить опорный каток. Так что оставалась серьезная надежда, что тралы продержатся достаточно долго, прежде чем придут в негодность. Разумеется, Кобрин не надеялся, что батальоны доберутся до рубежа атаки в полном составе: все мины не протралишь. Да и фрицы рано или поздно (причем, скорее, первое) поймут, что к чему, развернув навстречу часть своих «коробок». Но на то и расчет – оттянуть часть их сил, распылить. И «БТ», и «двадцать шестые» – достаточно опасный противник для панцерваффе образца лета сорок первого. Если воевать умеючи, по-максимуму используя преимущество в маневренности, и немцам в прицел не лезть, конечно.

Инструктаж с командирами танков, начиная от комбатов и заканчивая взводными, Кобрин провел лично. Уложившись буквально минут в десять. Как наверняка сказал бы с ухмылкой Витька Зыкин: «Ты был очень эмоционален и убедителен, Степаныч». А может, и не сказал бы, кто его знает?..

Суть короткой речи комбрига сводилась всего к нескольким нехитрым правилам: на рожон не лезть, противника глупее себя не считать, как можно больше маневрировать, стрелять только с коротких остановок и желательно наверняка, попусту не геройствовать; если разбита ходовая, повреждено орудие или начался пожар, машину немедленно покинуть, поскольку экипаж важнее железа. Мол, толкового танкиста Родине обучить сложнее и дольше, чем новый танк построить. Последнее вызвало у начальника особого отдела короткую гримасу, однако перебивать командира он не стал, хоть и сделал, по лицу видно, зарубку на память.

Командиров танков-тральщиков Кобрин проинструктировал отдельно, поскольку именно от них во многом и зависел успех атаки. Тралы навесили только на «БТ», способные худо-бедно продолжить движение, даже раскатав гусеницу. Механиков-водителей ротные отбирали из числа тех, кто успел весной покатать по полигону противоминные железяки, и Сергей надеялся, что и сейчас у них все выйдет не хуже.

– Значит так, товарищи танкисты. Двигаетесь на малой скорости, по сторонам не рыскаете, объезжаете только значительные препятствия, которые могут повредить трал. Ваша задача – очистить «дорожку», по которой смогут пройти два танка. При срабатывании мины – не тормозить, продолжать движение. Если все же разобьет гусеницу – быстренько сбрасываете вторую и тралите дальше

на колесах. Гусеницы на танк не грузите, оставляете на месте, потом подберете. В случае серьезной поломки ходовой или, допустим, двигателя – уводите машину на несколько метров в сторону, уступая путь идущему следом танку. Не сумеете сами – товарищи помогут, спихнут с дороги. Помните, главное – не терять ни минуты, темп, темп и еще раз темп! Немцы быстро разберутся, что к чему, поэтому для нас важно пройти минные поля как можно скорее и выйти на оперативный простор. С этим понятно?

– Так точно! – вразнобой ответили танкисты, судя по нахмуренным лицам, не испытывающие ни малейшего оптимизма от того, что им предстоит.

– Боитесь, орлы?

– Никак нет…

– А зря. Я бы боялся. Не до усрачки, конечно, до такой степени красный командир бояться просто не умеет, но опасался б всерьез, – усмехнулся Кобрин, вызвав на чумазых лицах робкие удивленные улыбки. Ага, не ожидали подобного от строгого и немногословного комдива? Вот и хорошо. – Совсем смерти не боится или дурак, или фанатик. А мы, бойцы Красной Армии, понятное дело, ни то, ни другое. Главное, товарищи, научиться свой страх контролировать, не позволяя ему ни на мгновение, ни на долю мгновения взять верх над разумом! Нужно бояться подвести боевых товарищей или погибнуть глупо, безо всякого смысла голову сложив! Что же до тех немецких мин, по которым вы свои тралы покатите, – так ведь не зря они противогусеничными зовутся. Максимум, на что способны, – два-три трака разбить или опорный каток повредить. Понятно? – На этот раз бойцы ответили куда слаженнее, да и лица больше не выглядели такими мрачными. – Вот и хорошо. Тогда заканчиваю…

Оговорив напоследок условные сигналы, как флажками, так и ракетами – особых надежд на бортовые радиостанции Сергей не испытывал, – Кобрин распустил подчиненных, оставив при себе только командиров батальонов. Взглянул на наручные часы: что ж Никифоров-то молчит, зараза? Договорились же, что начинают по его сигналу. Вроде пора уж разведке с гаубицами разобраться…

Словно услышав мысленный призыв, к комбригу подбежал запыхавшийся радист, судя по петлицам – командир роты связи:

– Тарщ подполковник, разрешите обратит…

– Обращайся. Коротко и по делу.

– Разведгруппа вышла на связь в условленное время. Сообщают, что все в порядке, готовы начать по приказу.

– Отлично! – Не сдержавшись, Кобрин хлопнул лейтенанта по плечу, отчего у того едва не слетели с носа круглые очочки совершенно цивильного вида. – Радируй Никифорову и в артдивизион, чтобы начинали через пять минут от получения приказа. Давай, родной, давай, танки, вон, уж заждались, копытом бьют…

Развернувшись к застывшим комбатам, махнул рукой:

– Ну, чего застыли, славяне? Все слышали? К машинам, заводи! Тральщики начинают одновременно с артиллеристами, пока немцы от наших снарядов будут прятаться, глядишь, полдороги незамеченными разминируют. Остальным – атака по команде…

Глава 4

Окрестности Смоленска, август 1941 года

Артиллеристы не подвели, и гаубицы артдивизиона старательно перепахали снарядами позиции разведанных противотанковых батарей. Насколько успешно, Кобрин со своего НП – или, если попросту, с башни родной «тридцатьчетверки», куда он забрался с биноклем в руках, – судить пока не мог. Но выглядело достаточно обнадеживающе: вздымающиеся на добрых полтора десятка метров могучие кусты взрывов, затянувшие все пространство перед мостом дым и пыль, подброшенные высоко в воздух обломки бревен и еще чего-то, вовсе уж неопределяемого, екающие в груди толчки акустического удара. В какой-то миг он даже решил, что и мосту тоже хана, уж больно близко легла очередная серия разрывов – а много ли ему нужно? Пожалуй, что и парочки попаданий хватит, чтобы обрушить ажурные фермы или раздолбить к херам один из несущих

«быков». Обошлось, корректировщики вовремя внесли необходимые поправки, и дивизион перенес огонь в глубину вражеской обороны.

Теперь стопятидесятидвухмиллиметровые гаубицы лупили по железнодорожной станции, разметывая по кирпичику стены потерявших крыши пакгаузов, разнося в щепки штабеля запасных шпал, разрушая подъездные пути, чудом нетронутые немецкими бомбами, превращая в груды искореженных, перекрученных обломков остовы сгоревших вагонов и грузовых платформ. Из-за приличного расстояния Кобрин понятия не имел, насколько эффективен обстрел – немцы станцию по прямому назначению не использовали, поскольку сами же и разбомбили еще в июле. Однако утром разведка засекла на территории какую-то подозрительную активность, потому и внесла ее в список целей.

Наконец грохот взрывов стих («Ровно тридцать четыре минуты», – автоматически отметил капитан продолжительность артподготовки), и затянутая пыльным маревом перспектива погрузилась в тишину. Ненадолго, впрочем: зарокотали, набирая обороты, десятки моторов, и боевые машины тронулись с места. Никогда не имевший отношения к бронетанковым войскам стопроцентный «пехотинец», пусть и из далекого будущего, Кобрин на миг даже замер в башенном люке, очарованный пришедшей в движение мощью. Нет, разумом он прекрасно понимал, что по меркам ЭТОЙ войны и против ЭТОГО противника его неполная сотня танков, из которых почти семь десятков – легкие, не столь уж и несокрушимая силища. Но вот ведь залюбовался…

Досадливо сплюнув, Сергей затянул ремешок танкошлема и нырнул в полутьму башни, уже почти привычно пахнущую солоноватым солярным духом и горячим маслом. Захлопнул люк: нечего зря пыль глотать, через десяток минут и без того нечем дышать будет. Вот когда до немцев доедут, тогда и откроет. Поскольку не настолько дурак, чтобы в бой наглухо задраенным идти…

Первой атаковала рота тяжелых танков, которые Кобрин специально поставил в авангард, – если немецкие ПТО хотя бы частично уцелели, пусть демаскируют себя огнем, «ворошиловым» их снаряды все равно не опасны практически на любой дистанции. Именно поэтому комбриг запретил брать на броню «КВ» десант – если попадут под обстрел, шансов выжить у пехотинцев будет мало. Обе роты «тридцатьчетверок», несмотря на преимущество в скорости и маневренности, двигались следом, готовясь при необходимости обогнать тихоходных собратьев.

Пока все шло – тьфу-тьфу через левое плечо – неплохо: командиры второго и третьего батальонов доложили, что минные поля пройдены и они ждут сигнал к атаке. Прошли, разумеется, не без потерь. На минах подорвались четыре тральщика и почти десяток легких танков: неплохо себя показавшие тралы окончательно вышли из строя еще до окончания разминирования. И последние полкилометра пришлось пройти «на живую», благо плотность установки противогусеничных «подарков» ближе к мосту оказалась не столь высокой. Танкисты даже пытались разминировать дорогу огнем курсовых пулеметов, но быстро убедились в невысокой эффективности подобного ноу-хау: диска хватало на обезвреживания от силы одной-двух «T.Mi.35», третья же гарантированно разбивала гусеницу. Впрочем, с точки зрения Сергея потери оказались не столь и велики – если начистоту, он ожидал худшего. А так в строю осталось больше полусотни «бэтэшек» и «Т-26», вполне серьезная сила для неожиданного – будем надеяться – флангового удара. Чуть раньше доложились и пехотинцы, благополучно форсировавшие болото и сейчас расположившиеся в прямой видимости станции. Их время пока не пришло: сначала танкисты захватят мост, а уж после вместе с ними ударят дальше.

– Гриша, комбатам два и три – атака! – Дождавшись подтверждения того, что радиотелеграфист его услышал и понял, Кобрин распахнул люк и выпустил в зенит ракету тройного зеленого огня, дублируя приказ. Высунулся, ища среди облепивших танк пехотинцев ротного. Бойцам приходилось нелегко: по неведомой капитану причине конструкторы первых модификаций «Т-34», даже тех, что выпускались в первые месяцы войны, отчего-то не предусмотрели десантных скоб ни на башне, ни на корпусе. Удержаться можно было только за рым-болты башни, срез незадраенного люка да заброшенные крест-накрест на крышу моторного отсека буксировочные тросы – это уж Сергей вовремя придумал, к удивлению экипажей и благодарности пехоты.

– Лейтенант! – перекрикивая рев дизеля, проорал Кобрин, найдя ротного взглядом. – Как по нам начнут лупить, сигайте вниз. Держитесь позади, укрывайтесь за корпусом, помнишь, я говорил? Мы постараемся сильно не газовать да от вас не отрываться, но сам понимаешь, ничего не обещаю. Если что – действуй по своему усмотрению, главное, под гусеницу не лезьте, нам отсюда ни хрена не видно. Давай, удачи.

И все же гитлеровцы, как в который раз вынужден был признать капитан, даже после артобстрела оставались весьма серьезным противником. Когда наблюдал с башни за взрывами шестидюймовых фугасных гранат, перемешивающих с

землей вражеские позиции, казалось, что здесь просто никто и ничто не уцелеет. Хоть разумом понимал, конечно, что это не так – артдивизион с боекомплектом на полчаса стрельбы просто физически не создаст необходимой для полного подавления обороны плотности огня. Окажись тут всего одна батарея РСЗО из его времени – тогда да, тогда его танки просто прокатились бы до самого моста по спекшейся в стекло почве, поднимая гусеницами невесомый пепел того, что до взрыва первой боеголовки объемно-детонирующего действия было вражескими солдатами.

Так и вышло: когда до цели атаки оставалось не больше нескольких сот метров, перепаханная, казалось, на метр в глубину земля огрызнулась выстрелами противотанковых пушек и пулеметов. К счастью, совсем нечастыми. По броне идущего первым «ворошилова» звонко ударил бронебойно-трассирующий, выбросив сноп фиолетовых искр и уйдя в рикошет. Танк даже не стал поворачивать башню – просто изменил направление движения и раздавил орудие вместе с расчетом. То ли артиллеристы оказались упертыми фанатиками, то ли просто не знали, что такое «КВ», и до последнего всерьез надеялись его подбить, но разбегаться они не стали, успев выпалить еще раз, буквально метров с десяти. Безрезультатно, разумеется. В следующий миг бежать стало бессмысленно, и установленная в оплывшем от близких взрывов полузасыпанном капонире пушка со скрежетом скрылась под широкими гусеницами.

Другому «КВ» повезло куда меньше: со второго или третьего выстрела немцы ухитрились-таки разбить гусеницу. Мехвод не успел вовремя среагировать, и тяжеленная махина полностью «разулась», съехав с раскатавшейся по земле ленты. Памятуя наставление комбата, танкисты сдуру наружу не полезли, тем более что по броне прошлась пулеметная очередь. Развернув угловатую башню, наводчик начал размеренно гвоздить куда-то в сторону, нащупывая не то пушку, не то пулеметную точку. Остальные танки первой роты, вовсе не пострадавшие от не шибко плотного артогня, продолжили движение, неширокой дугой расходясь в стороны и охотясь за уцелевшими ПТО.

«Пожалуй, пора, – решил Кобрин. – Хватит за тихоходами телепаться. До моста один рывок, если какая-нибудь пакость не обнаружится, мигом домчим. – И тут же смачно выматерился под нос: – Все, мать твою, сглазил. Обнаружилась…»

Один из тяжелых танков вдруг резко дернулся, словно наткнувшись на невидимую глазу преграду, и густо задымил. «Похоже, в двигатель попали, –

отстраненно подумал Сергей, ворочая прикрытым бронеколпаком командирским перископом, – и лупили, увы, из чего-то куда серьезнее «колотушки». Поскольку знаменитой «Pak. 40» здесь и сейчас по определению быть не может, значит, «тридцать восьмая», калибром пятьдесят мэмэ. Насколько помню, с расстояния меньше пятисот метров она вполне могла представлять опасность даже для «ворошилова». В борт, конечно, не в лоб».

– Гриша, ротным два и три – сигнал «атака, действуй, как я!». Витя, обходи «ворошиловых» справа, маневрируй! – проорал Кобрин. – Степан, осколочный в ствол, может, все-таки пушка. – Продублировав последнюю команду адресованным башнеру жестом, капитан выпустил в небо новую ракету. – Вперед! Скорость и маневр!

«Тридцатьчетверка» рванулась вперед, набирая скорость. В панораме привычно – не столько для него, сколько для реципиента – замельтешили, ежесекундно меняясь местами, небо и земля. Оснащенные радиостанциями танки командиров рот повторили маневр, ускоряясь и обходя тихоходные «КВ»; остальные два десятка «Т-34», заметив поданный флажками ротных и взводных сигнал, перестраивались для фронтальной атаки. С брони, верно уловив момент, горохом сыпанул десант.

Замер на месте еще один «ворошилов» – на этот раз дыма Кобрин не заметил, да и ходовая вроде бы цела. Подбили? Или мехвод не сумел воткнуть передачу и благополучно заглох? Похоже, все же первое: одна из «тридцатьчетверок» второй роты, не сбавляя скорости и обогнув замершего товарища, не успевает проехать и десятка метров, как ей в борт втыкается бронебойный снаряд. Короткий высверк попадания – и башня подскакивает на месте, подброшенная ударной волной взорвавшегося боекомплекта. В следующий миг двигающейся по инерции танк – никого из экипажа уже нет в живых – охватывает жаркое пламя загоревшийся солярки из развороченных внутренних баков.

Да что ж за пушка у них такая разволшебная?! Меньше чем за полминуты – два танка в минус? Или она не одна? Ну, не успели б фрицы и перезарядиться, и прицелиться, никак не успели! Точно, не одна: на самом краю левого фланга вспыхивает еще одна «тридцатьчетверка», которую уж точно никак не могло бы подбить одно-единственное противотанковое орудие. Если оно, конечно, не способно в считаные секунды поворачиваться на сто восемьдесят, мать их, градусов! И перезаряжаться, словно зенитный автомат!

Бдз-з-зынь!

Что-то со всей дури лупит в борт башни, и Сергей одновременно слышит и этот оглушительный звон, и ощущает короткую вибрацию принявшего на себя удар металла. Пробития нет, болванка прошла по касательной, оставив на броне глубокую, пышущую жаром отметину. Разумеется, ничего подобного он не видит, но подсознание услужливо показывает ему соответствующую картинку. Крохотный осколок, выбитый с внутренней поверхности брони, больно ожигает щеку, второй впивается в резиновый налобник прицела. Коже сразу становится горячо и щекотно, теплый ручеек стекает вниз, собираясь под боковым клапаном танкошлема. С-сука!

– Витя, разворот влево на треть корпуса и полный газ! – орет Кобрин, дублируя команду пинком сапога.

– Полегче, командир, – зло шипит Цыганков, в последний момент проглатывая готовый вырваться матюг. – Я и так слышу. Чуть по голове не попал.

Танк подворачивает, буквально прыгая вперед. И тут Сергей замечает наконец укрытую в капонире длинноствольную пушку. Ну да, все верно, на месте фрицев он бы именно там ее и расположил. И не ее одну, а всю, мать их, батарею. Чтобы бить прорвавшиеся через «Pak. 35/36» русские панцеры в борт. Судя по изрытой свежими воронками позиции, советские артиллеристы не промахнулись, вот только уничтожить все четыре ПТО им так и не удалось. Что стоило бригаде двух тяжелых танков… А вот сожженные «тридцатьчетверки», похоже, не ее работа.

Приникнув к прицелу – застрявшей в резине осколок впивается в лоб, но это уже неважно, можно и перетерпеть, – Кобрин наводит орудие.

– Короткая!

Танк тормозит, мощно качнувшись взад-вперед. На миг накатывает тошнота, но нет времени обращать внимание на подобные мелочи. Сергей возится с маховичками точной наводки, откуда-то точно зная, что гитлеровский наводчик заметил маневр изменившего направление движения русского панцера и сейчас занимается тем же самым. Наконец прицельная марка застывает на покосившемся щите орудия, и капитан давит на педаль спуска.

Бум-м-м! – танк снова качается, но куда слабее. Отдача швыряет казенник назад, лязгнув об отражатель, улетает в мешок стреляная гильза. В ноздри бьет резкий запах сгоревшего кордита. Башнер выдергивает из хомутиков новый унитар. Взрыв! Есть, попал! Отлетает куда-то в сторону покореженный, изодранный осколками щит; увенчанный грибом двухкамерного пламегасителя ствол описывает дугу, замирая почти вертикально. Капонир затягивает пылью и дымом, толком ничего не разглядишь, но Сергей и без того понимает, что из обслуги никто не уцелел. Не дожидаясь команды, понимающий, что к чему, Цыганков трогает боевую машину с места, двигаясь змейкой.

Так, ладно, с пушкой разобрались. Но какая ж сука с левого фланга-то лупит?! И где, спрашивается, наши легкие, мать их, танки? Чего тормозят-то? Приказ пропустили? Глупости, как его пропустишь, если атака уже несколько минут как в полном разгаре? Такую движуху не то что с километра – с орбиты видно. Кобрин вертит перископом, вжимая окровавленный лоб в резину, – нужно бы выдернуть осколок, да времени нет.

Ага, начали наконец: второй и третий батальоны начинают атаку, растянувшись широким фронтом. Впереди быстроходные «БТ», следом – «двадцать шестые». Лупят осколочно-фугасными с коротких остановок, отчего немецкие позиции потихоньку затягивает дымом и пылью. Снарядики, конечно, отнюдь не гаубичного калибра, примерно соответствуют пятидесятимиллиметровому миномету, но при подобной плотности огня – сущий артобстрел.

Звука взрыва Кобрин по понятной причине не слышит, но прекрасно видит результат: одной из идущих в первой волне атаки «бэтэшек» сносит башню. Овальная железяка плюхается кверху погоном в нескольких метрах, и боевая машина превращается в высоченный огненный факел: бензин – не солярка, от одной искры вспыхивает. Еще буквально десяток секунд – и горят уже три танка. Нет, уже четыре… С-суки! Да где ж вы, где?!

Да, собственно, вот где… заметивший боковым зрением подозрительное движение, Сергей подворачивает панораму. Ну, конечно, как он и боялся. И разведка их, разумеется, благополучно прошляпила. Маскироваться фрицы умеют, нужно признать. Приземистая угловатая самоходка неторопливо выползает задом из накрытого масксетью капонира; в двух десятках метров – еще две. Первая «StuG-III» останавливается, и спустя несколько секунд короткий «окурок» семидесятипятимиллиметровой пушки окутывается всполохом

выстрела, стоившего бригаде еще одного легкого танка. Ну да, окурок-то он окурок, вот только в лоб любой легкий танк возьмет даже с предельной дистанции. При должном везении и «тридцатьчетверку» может подбить, в борт, разумеется, что панцерманы и доказали. А вот «КВ» короткоствольной «KwK 37 L/24» однозначно не по зубам ни в лобовой, ни в боковой проекции. У нее даже со ста метров – по меркам танкового боя, считай, в упор – бронепробиваемость меньше сорока миллиметров. Разве что кумулятивным, хотя тоже далеко не факт.

Опасность замечают и другие танки батальона, – и ближайшая к мосту самоходка взрывается, получив в борт сразу две болванки. Взлетают вышибленные ударной волной люки; боевая рубка раскрывается сюрреалистическим бутоном из вывороченных наружу бронелистов: влепили прямиком в боеукладку. Второй САУ разбивают ходовую – Сергей видит, как сползает, скручиваясь перед катками причудливой змеей, гусеница, и обреченная «Штуга» застывает на месте. Бум! Над приземистым угловатым корпусом вспухает дымный султан. Взрыва нет, но и наружу никто не лезет. Все, отвоевалась.

Кто упокоил третью «Штурмгешютц», выбросившую в утреннее небо столб черного дыма, Кобрин уже не видел, вернувшись к командованию танком. Но сожгли самоходку быстро, и минуты не прошло – уж больно велик был перевес в силах. Дорога к мосту оказалась расчищена.

Линию немецких траншей прошли с ходу, останавливаясь лишь для того, чтобы подавить замеченные пулеметные гнезда, укрепленные шпалами и рельсами. Пару минут спустя в окопы посыпалась нагнавшая вырвавшиеся вперед танки пехота. Деморализованные артобстрелом и танковой атакой гитлеровцы тем не менее сопротивлялись отчаянно, но устоять в рукопашной против разгоряченных боем и гибелью товарищей красноармейцев шансов у них не было. Завершившие фланговый маневр легкие танки первыми добрались до моста, сметя огнем последнюю линию обороны – несколько пулеметных точек, укрепленных мешками с песком и штабелями шпал.

Прикинув диспозицию, Кобрин оставил второй батальон, понесший от огня «StuG» наибольшие потери, охранять переправу и зачищать захваченные позиции, а третий вместе с оставшимися на ходу «КВ» и всеми «тридцатьчетверками» развернул в сторону станции. Сейчас главное, не снизить темп, не дать фрицам опомниться. Станцию, будь она хоть трижды

разбомбленная, нужно брать с наскока, а то у него та самая отмеченная разведкой «подозрительная активность» из башки не идет. Да и фрицевским танкам уж пора бы появиться – в то, что у них всего три самоходки было, как-то слабо верится. В смысле, совсем не верится. А где их укрыть? Правильно, только там, благо мест среди руин хватит на добрый полк… Ну, положим, насчет полка это он лишку хватил, но пару танковых рот – вполне. Опять же, если немцы все-таки вызовут авиаподдержку, лучше смешаться с противником, вряд ли «лаптежники» своих станут утюжить…

На миг неприятно кольнуло в груди навязчивое ощущение дежавю: а ведь нечто подобное в его жизни уже было! Вот только где и когда? «На Терре-3, где же еще», – услужливо подсказала память, и Сергей пару раз торопливо сморгнул, прогоняя не вовремя вставшие перед внутренним взором воспоминания. Ну да, разумеется. Перепаханный ударами штурмовиков пригородный промсектор, руины складов, погрузочно-разгрузочных терминалов и каких-то построек – и его рота, идущая в атаку при поддержке пяти танков. Три из которых оказываются уничтоженными вместе с экипажами в первые же минуты боя. И кружащие в поднебесье «Ми-50КА» огневой поддержки.

Похоже, даже очень похоже. Вот только роли, по воле судьбы и руководства «Тренажера», поменялись, и сейчас он не пехотинец, а вовсе даже наоборот, танкист. И самолеты, если прилетят, станут охотиться исключительно за его бойцами…

Глава 5

Окрестности Смоленска, железнодорожная станция N, август 1941 года

Первыми Кобрин снова послал «КВ» с десантом на броне – тяжелые танки, несмотря на две уничтоженные машины (танк с порванной «колотушкой» гусеницей он в потери не записывал, максимум за полчаса экипаж справится с ремонтом), зарекомендовали себя более чем хорошо. Оставалось надеяться, что у противника больше нет проклятых «Panzerabwehrkanone 38». Башенные же орудия немецких танков и САУ, как показала атака, им практически не опасны: разве что снова гусеницу разобьют или влупят метров со ста кумулятивным. Но на такую дистанцию еще подобраться нужно; да и вовсе не факт, что у фрицев

имеются эти самые «Gr.38», способные прожигать до семи сантиметров брони. Следом, прикрывая «ворошиловых» с флангов, но вперед пока не вырываясь, шли обе роты средних танков, тоже с десантом.

Легкие танки заходили на территорию затянутой дымом станции двумя группами, третья рота вдоль разрушенных железнодорожных путей, первая и вторая – со стороны города. По замыслу комбата, быстроходные танки в любом случае опередят «коробочки» первого батальона и, ворвавшись с двух противоположных направлений, обеспечат окружение противника, буде такой обнаружится. Да и вообще, «БТ» и «двадцать шестым» всяко проще маневрировать между руинами, чем средним или тяжелым танкам. Броня у них, конечно, аховая, да и ходовую можно развалить простой связкой из нескольких осколочных гранат, но это уж проблема пехотного прикрытия – недаром же Кобрин придал им целую роту из числа тех, кто перед началом атаки форсировал болото. Промокли ребята, пока через трясину шли, – вот пускай и согреваются.

На господствующих над станцией высотах, которыми с некоторой натяжкой можно было назвать пару пологих холмов, изрезанных дождевыми промоинами и поросших поверху жиденьким кустарником, остались только минометчики и расчеты трех «сорокапяток», которые удалось протащить через трясину. Одну пушку то ли утопили с концами, то ли не сумели вытянуть вручную, когда всерьез завязла, – в подробности Кобрин не вдавался, не до того. Боеприпасов у артиллеристов, правда, с гулькин нос, только то, что на плечах пронесли, но минут на десять боя всяко хватит. Не столько, чтобы всерьез поддержать танковую атаку, сколько показать противнику, что какая-никакая огневая поддержка у русских тоже имеется…

Впрочем, до самой станции по танкам не прозвучало ни одного выстрела. И капитан, с минуту похмурив окровавленный лоб, распорядился пропустить вперед «тридцатьчетверки». Все-таки скорость сейчас важнее, чем броня. Да и тяжелые танки никуда не делись, просто поотстали немного. Будет необходимость – снова вперед пропустят.

Под гусеницами заскрежетал сминаемый металл, и танк грузно перевалился через раму сгоревшей полуторки, застывшей поперек дороги. Идущая правее «тридцатьчетверка» командира второй роты, не снижая скорости, с ходу отпихнула в сторону лежащий на боку порыжевший от огня санитарный автобус. Бронемашина снова качнулась и просела вниз, сплющивая в блин покореженный

близким взрывом корпус легковой «эмки». Застрявшая в ходовой дверца проскрипела по надгусеничной полке и скрылась под траками, впечатавшими ее в черную от гари землю.

Насколько Сергей понимал, когда немцы начали одну из бомбежек, у выезда со станции скопилась целая колонна автотехники – грузовики, многие с противотанковыми пушками на прицепе, автобусы с ранеными, немногочисленные легковые автомобили, гужевой транспорт. Которую «птенцы Геринга» с удовольствием и накрыли бомбами. Кто-то выезжал, загрузившись боеприпасами или армейским имуществом, кто-то, наоборот, вез к эшелонам эвакуируемых. И сейчас советским танкам приходилось пробираться сквозь это жуткое черно-рыжее месиво обгоревшего, рваного металла.

О том, что санитарные машины, как и часть грузовиков, наверняка были битком набиты ранеными, Кобрин старался не думать. Хорошо хоть расположенная на крыше башни панорама просто не позволяла разглядеть мелкие подробности

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Михеев, Анатолий Николаевич, комиссар государственной безопасности 3-го ранга, с февраля по сентябрь 1941 года – начальник 3-го Управления НКО СССР (особые отделы). Героически погиб в бою 12 сентября 1941 года.

2

Меркулов, Всеволод Николаевич, в описываемый период – нарком НКГБ СССР.

3

Северо-Кавказский военный округ.

Купить: https://tellnovel.com/tarugin_oleg/kombrig-iz-buduschego-ostanovit-pancervaffe

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити